

17
писем
А. Толкачёва
к студентам

ВГИК-2013

Александр Толкачёв

17 писем А. Толкачёва к студентам

«ВГИК»

2013

УДК 778.5.04.071:75
ББК 85.374

Толкачёв А. Н.

17 писем А. Толкачёва к студентам / А. Н. Толкачёв — «ВГИК»,
2013

ISBN 978-5-87149-135-5

Книга, написанная талантливым художником, опытнейшим производственником и замечательным педагогом А.Н. Толкачёвым, посвящена работе художника-постановщика в кино. Опираясь на собственный богатый опыт, он толково и наглядно рассказывает в ней обо всем процессе работы художника-постановщика над картиной – начиная от прочтения сценария и заканчивая работой на съемочной площадке. Широко иллюстрирована фотографиями со съемок, эскизами и макетами к фильмам. Интересна и поучительна книга будет не только художникам, режиссёрам, операторам, киноведам и другим профессионалам, но и всем любителям кино и хорошей умной литературы. Книга издана с максимальным сохранением авторской лексики и орфографии.

УДК 778.5.04.071:75

ББК 85.374

ISBN 978-5-87149-135-5

© Толкачёв А. Н., 2013

© ВГИК, 2013

Содержание

Вместо предисловия	6
В начале было слово... или Знаете ли вы русского языка?	15
Натура – дура, художник – молодец	40
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Никитович Толкачёв

17 писем А. Толкачёва к студентам

© Толкачёв А.Н., 2013

© Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова

Вместо предисловия

Дорогие друзья! **Здравствуйте!**

Эти письма – ни к чему не обязывающий – ни вас, ни меня – довольно сумбурный набор воспоминаний и размышлений о редкой и практически неисследованной и неизвестной профессии, которой я посвятил последние 40 лет своей жизни – профессии художника кино и телевидения.

Затевая эти записи, я поначалу собирался раздавать их своим студентам, на обстоятельный разговор с которыми всегда не хватает времени. Кроме того, студенты, посещающие через «пень-колоду» наши занятия, накапливают в своём образовании пробелы, снижающие квалификацию и приводящие, в конечном результате, к непрофессионализму. Впоследствии, выйдя на широкую извилистую тропу кинопроизводства, и борясь за свой «кусочек хлеба под солнцем», бывшие нерадивые студенты будут винить в своих бедах всех и вся – страну, систему, ВГИК, педагогов, – но только не свою лень и нелюбопытство.

Ныне, когда число студентов на курсе в 2 раза превышает нормативы, некогда определённые разными умными министерствами, цейтнот особенно ощутим. Я физически ощущаю, как сбивается «дыхалка» от «скороговорок» и принятия скоропалительных решений. На размышления, рассуждения и прочие «ковыряния в носу» нет времени ни у педагогов, ни у студентов. Кроме того, часто приходится повторяться по причинам: а) студенты нерегулярно посещают занятия, следовательно, одна и та же тема проговаривается не единожды; б) знаю по опыту, что большая часть смысла слов до студентов доходит не сразу; в) информация, полученная посредством слуха, воспринимается в десять раз хуже, чем информация, полученная посредством зрения; г) одна и та же информация оценивается по-разному в разное время; д) повторение – мать учения... Иногда я говаривал и выговаривал своим студентам, что они плохо **слышат**, что мне надоедает повторять прописные истины, что, давайте, мол, записывать на магнитофон мою болтовню, которую некоторые **слабослышащие** смогут слушать, при желании, дома, а мы будем разговаривать на более интересные темы со студентами, что-то уже **услышавшими**.

Так постепенно, исподволь, появилось желание письменно делиться своим опытом, вспоминать некоторые случаи из практики, в неназидательной форме рассказывая об особенностях и тонкостях нашего ремесла, тем более что никаких учебников и «самоучителей для начинающих кинохудожников» не существует. Написав несколько опусов, я напечатал их на своём принтере, снабдил кой-какими иллюстрациями и «пустил по студентам» – авось прочтут, хотя бы в троллейбусе по пути домой. Спустя довольно долгое время, я услышал, наконец, от студентов, как мне показалось, неискренне лестные отзывы о письмах, которые они под разными предлогами почему-то не возвращали. Я уже засомневался в нужности этого начинания, как вдруг!., пришлось, в который раз(!), убедиться в правоте утверждения Михаила Афанасьевича относительно рукописей. Оказалось, что письма мои не только не «сгорели», но и начали «расползаться», и их читали не только студенты.

Попросил Николая Николаевича Губенко, Вадима Юсуповича Абдрашитова и Александра Анатольевича Миндадзе кое-что прочесть. Не ругали. Благословили. Говорят – интересно, пиши, тебе есть что рассказать. А доброе слово, как известно... и т. д.

Одобрил мою писанину и наш зав. кафедрой мастерства художника кино Виктор Валентинович Петров, который, по его словам, успел даже зачитать некоторые черновики своим студентам. А вдруг ещё кто из студентов прочтёт? Самостоятельно.

Что ж, так и назовём, пожалуй, этот сборник – «Письма к студентам». Ясно, что там не будет никакой композиции и последовательности «повествования», не будет и конца – обо всех аспектах нашей профессии не расскажешь, всеми воспоминаниями и анекдотами не поделюсь. Но начало-то должно быть! С какой «карты» пойти? С чего начать разговор о про-

фессии? А начну я его с того, с чего начинают любой разговор русские люди при встрече – с пожелания здоровья. Собственно, именно с этого я уже начал данное письмо, в котором намерен кое-что рассказать о здоровье, столь необходимом нам всем.

* * *

Итак, здравствуйте всегда, дорогие друзья!

Насколько мне известно, только у нас люди желают друг другу здоровья и при встрече, и при прощании – ведь говоря «до свидания», мы выражаем надежду на то, что у нас **достанет здоровья** свидеться ещё. Причём, пожелания здоровья, так или иначе, подразумеваются почти в любом нашем приветствии. Например, на «Мосфильме» был прекрасный маляр Гена Марчук, здоровавшийся так: «Как сам?».

А в официальных лозунгах, которых я когда-то написал великое множество, меня удивляла формулировка (или словосочетание): «Да здравствует 1-е Мая!». Конечно, это надо было понимать, ну, в очень уж широком смысле, иначе чепуха какая-то получается – пусть, мол, вечно длится праздник, пусть никогда не наступят другие дни. «День сурка» какой-то... В те времена перед государственными праздниками центральные газеты публиковали **призывы ЦК КПСС к советскому народу**. И хотя эти призывы из года в год были неизменны, организации, заказывающие нам лозунги, всегда ждали выхода новой предпраздничной газеты. Мы же потом круглосуточно «клепали» лозунги с этими «да здравствует». Иногда мы, желая сэкономить время и не подорвать **здоровье** авральной работой, заранее писали наиболее расхожие **призывы** (слово-то какое!), к наличию которых на зданиях и в руках демонстрантов партийные начальники относились очень серьёзно. Прочитую для вас, молодых и «зелёных», несколько наиболее «ходовых» призывов-лозунгов, которые пренебреженно писались белыми буквами на красном фоне и годились к любым праздникам – может быть, когда-нибудь это вам пригодится:

«Да здравствует великий советский народ – строитель коммунизма!»,

«Да здравствуют советские женщины – активные строители коммунизма!».

Заметили? Советский народ – просто «строитель», а женщины – «активные строители». Но ни разу я не видел лозунга со словами: «Да здравствуют советские мужчины – активные...» и т. д. Не потому ли нынче мужики такие неактивные стали?

Вот призыв к вам:

«Студенты, глубже и осознанней овладевайте знаниями!».

Не обидно? Никаких тебе – «здрасьте». «Обалдевайте», и всё тут. Потому как студенты – не все до единого комсомольцами были всё-таки. Вот вам другой, писать который было мучением – слишком длинный:

«Да здравствует Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи – передовой отряд молодых строителей коммунизма, активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза!».

Такой лозунг, меньше чем за «червонец» писать никто не брался.

А вот этот – рублей за 7–8 можно:

«Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великая направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!».

Скомпоновать все эти букочки довольно трудно было. То ли дело:

«Слава КПСС!».

Девять букв – трояк! Восклицательный знак – в подарок! Любимый лозунг.

А в Кремле, поднимая хрустальный фужер, непременно произносили **здравницу** в честь... см. выше.

Может быть, и эти казённые «да здравствует» подтолкнули нас на поиск любых синонимов доброму слову «здравствуй»? Мы стали походя «бросать» при встрече – «Привет». Иногда приветствовали – «Салют!». Это – понятно. И всё равно, чаще – «Здоров!». Или – «Здорово!», с ударением на 2-й слог. И это было правильно. Ибо нет ничего дороже **здоровья**, и пожелание его – есть знак наилучшего расположения к тебе **здоровящегося** с тобой человека. Бывало, «кореша» и до двух букв сокращали: «Зд...». Но **тема здоровья** оставалась и в двух буквах.

Дальше косяком пошли иностранные «заменители». Все они, по сути, хуже нашего утвердительного «здравствуй!». В «хаудуюду» «дует» знак вопроса. Но не дай вам Бог ответить на это приветствие правдивым – «Плохо». Это не вписывается в ритуал. И вежливо-безразличное «How do you do?» вовсе не предполагает ответа. На наше же «Как жизнь?» или «Как здоровье?» ответить можно. Вариантов ответа – неисчислимо множество.

Что означает астматическое «хай», думаю, не знают и сами «хайящие».

Почему мы так бездумно «обезьянничаем» и иногда, поднимая традиционный стакан «за здоровье», вдруг сопровождаем его птичьим «чин-чин», а при прощании, вместо твёрдого и доброжелательного «будь здоров», нараспев тянем невразумительное «ча-а-о-о» или «бай-ба-а-ай»?

Мне кажется, не в последнюю очередь наше с вами телесное и духовное **здоровье** зависит и от этого.

А здоровье нам, ох, как необходимо!

Считаю своей обязанностью предупредить вас, что работать в кино, имея слабый или капризный организм, чрезвычайно трудно. Когда вы поступали во ВГИК, никто, конечно, не предупредил вас о тех, подчас тяжелейших условиях, в которых вам придётся жить и работать, покинув тепличный микроклимат вуза. Перед поступлением вас обязали пройти различные медкомиссии, где вас проверяли по всяким параметрам, но никто не проверял вас: на выносливость и неприхотливость; на способность работать по двое суток без сна и отдыха в душных павильонах и интерьерах или в лютую стужу в степи; на способность нерегулярно поглощать случайную и отвратную пищу в антисанитарных условиях; на способность обходиться без тёплого клозета; на коммуникабельность, терпеливость и небрезгливость. Щадя ваше терпение, я перечислил лишь малую часть неприятностей, всегда сопутствующих нашей профессии. Это – всего лишь данность, как перегрузки, невесомость и борщ из тюбиков у космонавтов.

Знаете, кинематографисты – это «клан» каких-то **других** людей с **другой**, нежели у всех прочих, системой взаимоотношений и мироощущений, с другими, если хотите, нервной и пищеварительной системами. Сбившись на какое-то время в некую «стаю», эти люди, чаще всего, живут только законами этой «стаи», забыв семьи, детей, родителей и себя. Они клянут: это проклятое кино; самодура-режиссёра и идиота-продюсера; всегда омерзительную погоду и отвратную гостиницу; себя-дурака, согласившегося работать на этом гадком проекте; тьму уродов, из которых состоит съёмочная группа; мерзавцев-артистов, ставящих всех на уши... Они ждут-не-дождутся, когда же, наконец, закончится это кино и можно будет вычеркнуть из памяти все дразги и склоки, любви и ненависти, эти опостылевшие мерзкие рожи... Проект заканчивается, «стая» рассыпается, но индивидуумы, ещё не успев «заллизать раны», ищут новую «стаю», которую также будут клясть и проклипать, и без которой жизнь их теряет всякий смысл.

Случайные люди в **кино** долго не задерживаются. Они не могут выдержать ни тот ритм, в котором живут «киношники», ни условия жизни, в которой **кино – это и есть жизнь**. На другую жизнь настоящие «киношники» просто неспособны. И не потому ли, кстати, в кино работает так много незамужних и «неустроенных» «тётенек»?

Милые наивные барышни, пришедшие учиться «на художника кино»! Знайте: **кино – это всегда грязь, пот и мат**. Цветы, шампанское, хорошие слова и жидкие аплодисменты бывают редко, да и то – **после кино**, то есть тогда, когда вы к фильму уже не имеете никакого

отношения. Ещё вынужден вас огорчить, предупредив, что у телевизионных фильмов шумных премьер вообще не бывает. Соответственно, не бывает ни цветов, ни аплодисментов, и члены бывшей «стаи» не «кучкуются» для совместной пьянки. Все создатели и прочие члены разрозненно сидят у своих телевизоров, потягивая свой личный напиток и, в лучшем случае, чокаясь через телефонную трубку с бывшими сотоварищами. Причём, я ещё не встречал ни одного «создателя», который посмотрел бы весь свой сериал целиком. Режиссёр – не в счёт, он его монтировал. А оператору вся эта «байда» осточертела ещё в процессе съёмок. Вам его тоже посмотреть не удастся, потому что – непременно в это самое время – приедет тётя из Воронежа, у любимой собачки начнётся понос или, как назло, вырубят свет во всём районе. Но даже если вы отключите все телефоны, выгоните всех гостей, собак и родственников, и, на всякий случай, обзаведётесь генератором, сомневаюсь, что у вас хватит терпения сидеть каждый вечер у телевизора в течение двух-трёх недель, а то и месяцев. Не обманывайте себя, если вам подарят набор DVD-дисков с полной версией вашего сериала, что вы, как-нибудь на днях, выберете время и в спокойной обстановке посмотрите плоды рук своих. Этого не случится никогда! И не ставьте друзей и родственников в неловкое положение вопросом, смотрели ли они ваш сериал. Любой предмет искусства должен быть **соразмерен**. В противном случае, не хватит никакого **здоровья** даже на просмотр собственной многоэпизодной «лабуды», если вам над таковой, не дай Бог, придётся работать.

Счастливая пора – выбор природы. Казалось бы, что может быть приятней – едешь, куда хочешь и смотришь, на что смотрится. Но, дорогие мои, здоровье и нервы должны быть железными и в эту, почти безмятежную, пору. Самолёты-поезда – хорошо. 300–400 вёрст в день по отвратительным дорогам – сносно. Несварение желудка в неожиданных местах – терпимо. Но бывает, что требуется море здоровья, чтоб выбрать природу всего лишь в 30–40 км от дома! Представьте – глубокая осень, непрерывно морозящий мерзкий дождь. Природа – танкодром в ближайшей воинской части. Сидя в тёплой комнате или комфортной машине, везущей тебя к намеченной цели, трудно даже представить, что будет с тобой через очень короткое время. Нет, вам лучше не знать, что мокрая глина, разезженная танковыми гусеницами, налипает на вашу обувь пудовыми веригами, не давая возможности выдернуть ногу из глубокой колеи – других дорог там нет. Расслабьтесь – башмаки вам придётся выкинуть, а штаны, из жалости, очень долго стирать, потому что глина там какая-то очень жирная, на солёной и мазуте замешанная. А сверху – гнусная морось, и очень скоро вы, поначалу вспотев в борьбе с глиной, начинаете коченеть. Но другого времени и места для выбора природы не будет, и поэтому вы её выберете. Здесь и сейчас! Невзирая ни на что! Сопrotивляясь природным неприятностям, вы одновременно фотографируете, пытаетесь представить, как здесь будет зимой и как придётся работать группе в таких условиях, зарисовываете в мокром блокноте схему расположения разных дзотов и капониров, роняя при этом в непролазную грязь свой дорожный «Nikon», и весело переговариваетесь с режиссёром и оператором, находящимися в таком же интересном положении. Как вам картинка? Романтично, не правда ли? И я испытал подобное десятки раз. Потому – организм мой закалён жизненными невзгодами, нервы – на зависть любому, только вот язык «подкачал».

Не менее романтично, скажу я вам, ребята, выбирать природу в самом разгаре лета, например, в Израиле, или в начале зимы на Кольском полуострове, пытаетесь представить в наступивших полярных сумерках красоты весеннего пейзажа.

Вам, ступившим на извилистую стезю кинохудожника игрового кино, надо как можно скорее решить для себя, топтать ли по ней дальше или, пока не «засосало», свернуть, например, на «хай-вэй» компьютерной анимации. Я своим «барышням» разрешаю (даже настоятельно рекомендую) как можно раньше окунуться в омут студенческого **кино** – авось, хлебнув всяких неприятностей, сбегут куда-нибудь, тем самым слегка поубавив переизбыток студентов в нашей группе. Ан нет, не бегут. Даже прибавилась ещё одна – перебежчица с «костюма».

Кино – это зараза. И способов лечения от этой заразы нет. Да и надо ли? Ведь зараза эта быстро вызывает у человека некую **кинозависимость**, жить без которой «заражённому» потом очень трудно. Пожалуй, единственное, что помогает с успехом преодолевать все гадостные стороны этой болезни, – **здоровье**, как физическое, так и моральное, нравственное, **душевное**, если хотите.

Если вы – мусульманка, иудейка или, не дай Бог, вегетарианка – забудьте, приготовьтесь вкушать одинаковый для всех «кинокорм» или – страдать на «подножном». Я, например, редко ем на площадке и «выбиваю» из продюсеров-директоров денежный эквивалент. Делаю я это вовсе не по религиозным или гастрономическим соображениям. Просто – ничего с этим не поделаешь – мне претит кидаться к кормушке «по свистку», в то время как организм мой хочет чего-то другого. И потом – я редко бываю в нужный момент у «раздачи», ведь мы, как правило, готовим следующий объект. Мои товарищи и помощники, имея пример, тоже чаще берут деньгами, и мы не тратим нервы и **здоровье** на остывший суп или на макароны вместо гречки. Примите к сведению.

Будьте аккуратней с алкоголем – на него тоже уходит много здоровья. Умение много выпить, особенно – с мороза, особенно – «с устатку», особенно – с **нужными** людьми, особенно – под борщ, особенно – под соловьиное пение, – нынче не в чести, знаю по себе. Даже если вчера вечером, вы, сидя в гостиничном кабаке с нужными для работы людьми, пили исключительно чай с лимоном, всё равно наутро к вам будут принохиваться и приглядываться, а ничего не унюхав и не углядев, всё равно пустят слух, что вчера вы «нажрались» или «слегка наклюкались». И это – тоже **данность отношений** в нынешнем кинематографе. Ведь это так понятно – есть возможность возвыситься, унизив другого, естественно, выше тебя по рангу. Да это – вовсе и не унижение, а так, что-то наподобие профилактики. Ну, что-то там, издавека, показалось... Так что, берегите здоровье, не тратьте его на отмывание от наветов за невыпитую рюмку. За выпитую – тем более. Наше **кино**, сколько бы студий теперь ни развелось, – деревня достаточно небольшая, и, так или иначе, все у всех на виду. Запомните это. Канули в Лету времена, когда съёмочная группа была дружным коллективом. Тогда дружно работали и дружно же «расслаблялись». Это – отдельная тема, может быть, расскажу в другом письме и об этом. Прошли времена «умных пьяниц» и «талантливых алкоголиков». Вы можете быть чертовски талантливы, ответственные, умны и обаятельны – к вам всё равно будут относиться пренебрежительно-презрительно, если от вас «попахивает». Лучше, конечно, не пить вовсе... И это – не веяние моды. Страна столь сильно изменилась, что пить теперь – **неактуально**. Теперь иногда гораздо **выгодней** быть трезвым «дебиллом», а если своей придури не хватает, опять же выгодно «косить» под дурака – меньше спроса. А дивидендов больше. Многие так и делают. (Почитайте, кстати, давно написанный Виктором Конечским рассказ «К вопросу о квазидураках»).

Ныне, – не надо далеко ходить, оглянитесь вокруг, – всё чаще на должностях, ранее считавшихся мужскими, с успехом работают женщины. Но об особенностях их организма, как и прежде, никто не задумывается. За примером достаточно спуститься в антракте к туалетам в Доме кино. Там, как и в любом ином общественном месте, вы увидите многострадальных женщин, с трудом удерживающих в себе эмоции, переполняющие их после трёхчасового просмотра. Похоже, архитекторы и проектировщики всех стран, все до единого – существа бесполое. Или – женоненавистники. В съёмочных группах, правда, в последние годы стали привозить на площадку кабинки биотуалетов. Но это – роскошь, допускаемая только во время съёмок. В прежние годы я начинал строительство любой серьёзной декорации на натуре со строительства сортира, никогда не предусматриваемого ни одной сметой. Поэтому сортир всегда был для группы моим личным подарком, построенным из **«экономленных материалов»**. Моя жена, художник-постановщик Элина Бурдо – так случилось – однажды была вынуждена построить в шеренгу бригаду мужиков-плотников и велела всем смотреть в даль

бескрайних, заснеженных саратовских степей, пока она за их спинами «рассупонивала» свой замечательный, с «молниями» **на груди**, импортный комбинезон. А на съёмках «Вкуса хлеба», когда ещё не существовало понятия «биотуалет», наши «гримёрши-костюмёрши», пошушукавшись, надолго уходили с площадки в глубь казахстанских степей изучать ковыли и другую скудную флору. Дальше – по Некрасову: «И, покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами». А видно там оч-чень далеко... Не касаясь иных особенностей женского организма, не предусмотренных никаким законодательством, просто скажу: делайте выводы, барышни. Будьте готовы к разного рода неудобствам и неприятностям, непонятным существам мужского пола, а потому – будьте терпимы, терпеливы и **здоровы!**

Здоровье не купишь. Фразу настолько износили и заездили, что, повторяя её, перестали задумываться о глубоком смысле этих трёх слов. А зря.

На время работы на проекте лучше всего забыть о днях рождения друзей, свадьбах родственников, похоронах, кинопремьерах и вернисажах. Так спокойнее. «Родила? Кто? Жена? Молодец, поздравляю. Старик, какое – навесить жену!? У нас съёмки!!! И потом – ведь это она родила, не ты. Попозже навестишь. Она поймёт». «Умер? Кто умер? Когда? Надо же – горе какое! Старик, какие похороны?! Угораздило же умереть, когда у нас съёмки. Потом цветочки положишь». Это почти цитаты. Так что очень желательно, чтобы крепкое здоровье было не только у вас, но и у всех ваших родственников и знакомых. Это я понял ещё на первой картине «Пришёл солдат с фронта», когда из экспедиции, в которой пробыл 8 месяцев, я смог вырваться на 3 дня на похороны отца.

В нашей климатической зоне, слава Богу, не бывает землетрясений и всяких цунами, но если непредсказуемый ураган сметёт вашу декорацию, **кино будет продолжаться!** Бывало и такое. На том и стоим!

Как ведёт себя нормальный человек в преддверии юбилея? Представьте – он дожил до 60-ти лет! Не всем так везёт. Нормальный человек загодя готовится к этому событию – заказывает ресторан, обзванивает друзей, моет шею и трепетно ждёт поздравления и подарки... Ненормальный **киношный** человек, никого не предупредив и не ожидая никаких (раньше традиционно чаще всего дарили недорогие позолоченные часы, видимо, для напоминания о быстротекущем времени) подарков, срывается в город Котлас (знаете, где это?) на выбор природы, взяв с собой в напарники администратора, который мирно дремлет в машине, пока юбиляр, промокший до нитки, носится как угорелый под дождём по буграм и буеракам, заросшим мокрой крапивой и полынью, фотографирует виды Северной Двины и её берегов, обтянув фотоаппарат полиэтиленовой шапочкой для душа, которую он предусмотрительно прихватил в хорошей пермской гостинице, где жил несколько дней назад, пытаясь на берегах Камы подобрать природу для этой же картины. Потом он, вернувшись в свой гостиничный номер котласской гостиницы, переодевается в сухое, параллельно разговаривая по «мобильнику» и принимая немногочисленные поздравления, засовывает мокрую одежду и раскисшие кроссовки в полиэтиленовые пакеты и торопит администратора ехать на вокзал за билетами, чтобы успеть на поезд, отправляющийся в Москву в 17.20. В поезде он складывает фотографии в панорамы на своём ноутбуке, а утром, с поезда, едет на студию, где заявляет не подозревавшему о прошедшем юбилее режиссёру, что Северная Двина – тоже «говно», показывая в подтверждение своих грубых слов сложенные в поезде панорамы, просит администратора купить билет на ближайший поезд до станции Ветлужская, которая находится в Нижегородской области, едет домой, вернее, в мастерскую, где принимает поздравления от жены в виде поцелуя и флакона туалетной воды, в 18.40 садится в поезд уже без ненужного администратора и в 2 ночи, всё ещё трезвый, заселяется в пансионат «Лесная сказка» с тем, чтобы с утра начать новые поиски... «Старик! Какой, к лешему, юбилей!? У тебя **природы нет!** А ты – юбиле-е-ей!», – говорит ему внутренний голос.

Это я тоже про себя рассказал, если кто не понял. По картине «Живи и помни» надо было постараться найти Сибирь поближе к Москве. Мы «утрамбовывали» сроки, боясь упу-

стить зимнюю натуру, а мне, кроме всего прочего, надо было успеть придумать и построить несколько декораций. Как видите, ничего «героического» и «идиотического» в моём поступке не было. **Работа – прежде всего.** Есть даже масса положительного в том, что я отметил юбилей **так.** Во-первых, я сэкономил кучу денег, времени и **здоровья**; во-вторых, избавил друзей и товарищей от лишних трат и хлопот по поиску недорогого и необидного подарка; в-третьих, рассекая мокрое разнотравье по-над кручами Северной Двины, я дышал свежим воздухом и ощущал такой прилив сил, что местный водитель, возивший нас, видя мою прыть, и удивившись, спросил администратора о моём возрасте; в-четвёртых, я не успел обидеться на (бывший когда-то родным) «Мосфильм», естественно, не поздравивший меня с юбилеем (теперь на «Мосфильме» никто никому не нужен, и даже о смерти известных работников никто не извещает); в-пятых, я испытал нечаянную радость, получив от ставшего родным ВГИКа поздравительную открытку и 500 рублей денег от вгиковского профсоюза, в котором я состоял только в студенческую пору; в-шестых, я в первый и последний раз повидал город Котлас и отмёл его как вариант, что тоже немало; в-седьмых, я не испытал «постпраздничного синдрома», когда беспокойная совесть терзает тебя сомнениями – не обидел ли ты кого ненароком... Хватит и этого перечисления для подтверждения постулата: **Работа – ВСЕГДА ПРАЗДНИК!** Кстати, когда-то была возвышенно-бодряческая песня, которую очень часто «передавали» (было такое специфическое слово) по проводному радио (которое, как известно, никто никогда не выключал) в утренние часы, и в которой среди прочих оптимистических слов были радостно-приподнятые: «Трудовые будни – праздники для нас!». Качество звучания мощного хора в тех репродукторах позволяло народу более правильно понимать этот поэтический оборот: «Трудовые будни – в праздники для нас».

Когда-то страна кинула клич: «Работать на сэкономленных материалах!». Не страна, конечно, чиновники такое придумали, а страна откликнулась. Нет, не страна, она откликаться не умеет, народ откликнулся. Нет, не народ, – народ, конечно, как всегда, безмолвствовал, чиновники откликнулись, которые пониже рангом. А народ – куда ж ему деваться – стал работать под лозунгами, типа: «Каждый десятый трактор Родине – из сэкономленного металла!» или «Каждые пятые брюки – из сэкономленного материала!». Что ли, шорты они там шили? Представьте, вы приходите во вгиковскую столовую, а там – объявление: «Сегодня котлеты приготовлены из сэкономленного мяса». Примерно тогда же возник знаменитый брежневский лозунг-каламбур, висевший чуть ли не на каждом заборе: «Экономика должна быть экономной!». Те времена давно прошли, а вот принцип, по-моему, просто-таки цветёт и пахнет в нынешнем кинопроизводстве. И в советские времена следовали, кажется, ещё ленинскому лозунгу: «Социализм – это учёт!». Без учёта ты шагу не мог ступить. И на дверях магазинов часто красовалась стационарная табличка «Закрывается на учёт». Скажите, молодые люди, видели вы когда-нибудь такую табличку? Нет? А всё потому, что без причины нет следствия. Кончился социализм – нет никакого учёта. Весь учёт ведут те, у кого бабло, чисто-конкретно, в руках. Знаете, какая цепочка таких «учётчиков» находится между теми, кто даёт какие-то (чаще всего, небольшие) деньги на производство фильма, и теми, кто эти фильмы делает? Нет? И никто толком не знает. А когда настоящий хозяин денег, спохватившись и испугавшись, что слишком мало доходит его кровных до **производства**, ставит своего «дракона-учётчика» приглядывать за теми «учётчиками», получается ещё хуже – у «дракона» и аппетиты драконовские. Вот и приходится нам чаще всего делать **высокое искусство** из «**сэкономленных**» средств. Эти мои наблюдения – не обвинение в чей-то адрес. Просто «**капитализм**» **наш** пока что, думается, существует только в кавычках. Так что, друзья, когда вас позовут работать на картину и даже назовут сумму, заложенную в смету на строительство декораций и приобретение реквизита, не обольщайтесь – будет великое множество причин принизить полёты ваших творческих фантазий. Поэтому, заботясь о **своём здоровье**, заранее поугомоните свои фантазии, поугомоните. Придумывайте как-нибудь так, чтобы не слишком докучать продюсерам

и директорам финансовыми вопросами. И очень желательно, чтобы всё возникало само собой, а если не само собой, то, по возможности, без их участия. А если ты «чегой-то шибко сильно размахнулся» в фантазиях – плати-делай сам. Принцип «**Сам придумал – сам корячься**» в нынешнем кинематографе выполняется, можно сказать, неукоснительно. По моим наблюдениям, нынче больше нужны художники, которые поговорчивее, попроще, что ли, без полётов этих, знаете, и прочих там фантазий. Мороки, знаете, с этими, которые с фантазиями, много. Иной раз приходилось слышать: «Художник у нас был – говно, ни придумать, ни сделать ничего не мог». Глядь, а они же снова его же взяли на новый проект. Потому что – **удобно со всех сторон**. Подумайте и над этим.

В одном из писем вы, если не поленитесь, найдёте достаточно подробный перечень вещей, которые необходимы на выборе природы и в экспедиции для сохранения вашего здоровья. Есть, кажется, и рекомендательный список, основанный на личном опыте. Но ещё, никогда не забывайте о привычных для вас мелочах, ибо ничто, пожалуй, не портит так жизнь, как отсутствие привычных только для вас мелочей. Иногда надо потакать своим прихотям и капризам. Для пользы здоровья и дела. А помня о привычках и маленьких «слабостях» ваших товарищей и подчинённых, вы улучшаете тем самым их настроение и, следовательно, здоровье.

Вон японцы заставили всех всегда улыбаться, потому и продолжительность жизни у них самая большая. Да и технологии у них тоже не хилые. Не хуже наших, кажется. Я ещё по «Денискиным рассказам» запомнил, что существует прямая взаимосвязь между механическим растягиванием мимических мышц лица в улыбку и биохимическими процессами, происходящими в организме.

Только что в очередной раз убедился в женском сверхъестественном чутье. Вошла жена и, даже не зная, чем я занимаюсь, сходу сказала примерно следующее:

– Ты не забудь сказать своим барышням, что улыбка у них всегда должна быть **ВО**, – показала, **какая**, – лицо должно быть постоянно хорошо нарисованным, глаза гореть, одежда сверкать. И чтобы никогда сами не забывали, что они – женщины! Если надо что-то срочно сделать, можно, будучи в чистой одежде, взять кисть и подать пример, но не более. И чтобы в юбках ходили! Тогда их будут уважать и сделают что угодно. В лепёшку разобьются, а делают.

Совершенно с ней согласен. Она не так давно приехала ко мне в Ярославль, в гости, а вместо отдыха – буквально спасла объект, который мы должны были сделать к утру. И я, и все мои мужики и пацаны закисли – устали и еле ползали. Кроме того, у меня «картинка» в голове не очень складывалась. Мы съездили с ней в ночной магазин и купили ребятам всякой еды. Потом она, без укоров и призывов, взяла кисть и начала красить стену. Даже мой декоратор, крайне редко, из-под палки, делавший что-либо руками, через пять минут последовал её примеру. Ребята зашевелились, сон бежал, и часам к 5-ти утра мы всё закончили. Это потому, что Эля была в брюках. Будь она в длинной юбке с **маховой** кистью в руках – до 2-х бы управились. Трёх ребят мы развозили по домам, и по дороге все болтали без умолку. Настроение было хорошее – мы молодцы! Декорация, к слову, наутро всем понравилась.

В съёмочных группах Вадима Абдрашитова на площадке всегда звучала музыка, и звукооператор Лиля Тереховская очень тщательно подбирала её «ассортимент». Мы настолько привыкли к знакомым мелодиям, что, казалось, не замечали их, не слышали, но, стоило надолго наступить тишине, возникал явный дискомфорт, что-то начинало мешать и раздражать. Говорят, под музыку и хлеба колосятся лучше, и коровы дают больше молока, причём, сразу сугущённого.

В любом коллективе обязательно найдётся человек, которого, почему-то, все недолюбливают. И, как правило, есть человек, которого, почему-то, никто не воспринимает всерьёз. Постарайтесь не попасть в их число, и вы сохраните **здоровье** и себе, и окружающим.

Никогда не носите в себе обиды и, тем более, не копите их. Пожалуй, нет ничего хуже человека, на лице которого лежит печать обиженного. У него и пластика какая-то другая. И самое противное, что причина обиды, на поверку, оказывается ничтожно маленькой, или её вовсе не было. А **здоровья** на эту глупость ушло много. Все обиды надо разрешать сразу, здесь и сейчас, «не отходя от кассы».

Есть ещё причина, пожалуй, **основная причина быть здоровым** – это **отсутствие какой бы то ни было социальной защиты**. При социализме у нас был такой, как бы всеобщий, профсоюз. Был и лозунг-утверждение: «Профсоюзы – школа коммунизма!». Поскольку коммунизм отодвинули в неведомую даль, «школа» стала неактуальной. Нет, где-то профсоюзы существуют, успешно борются за права своих членов, могут, например, всю Францию «поставить на уши». Но у них там – капитализм без кавычек, и люди давно умеют считать свои деньги, которые, по большому счёту, являются эквивалентом **здоровья** и жизни. У нас тоже есть всякие профсоюзы и собесы, но «сборная солянка киношников» к ним никак не относится. У киношной братии нет также никакой защиты со стороны (уже ставших мифическими) отделов охраны труда и техники безопасности. Поэтому, не дай вам Бог, получить травму на съёмочной площадке или серьёзно заболеть, работая на проекте. В первом случае вы никогда не докажете, что получили травму не по собственной дурости, во втором – вас просто выкинут с проекта. В обоих случаях вы не получите ни копейки, если, конечно, добрый продюсер (из жалости или от хорошего к вам отношения) не «подкинет» вам из сэкономленных средств небольшую сумму – на бедность.

Учтите это.

И – НЕПРЕМЕННО – БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ ВСЕГДА!

В начале было слово... или Знаете ли вы русского языка?

Задумывались ли вы о том, как плотно всю жизнь нас окружают всевозможные буквы и цифры? Они появляются сразу после нашего рождения на роддомовских бирках и долгие годы напоминают о нас после нашей смерти.

Буквы буквально преследуют нас повсюду. Одни нагло лезут в наше сознание с сумасшедших рекламных щитов и грязных заборов, другими испещрены всевозможные упаковки и любые предметы быта и одежды, третьи информируют и руководят нами в житейском море... И, конечно же, несметное количество букв таится в неисчислимом множестве книг и другой печатной продукции. Буквы заполнили абсолютно всё пространство вокруг нас.

Мы и людьми-то стали лишь благодаря изобретению письменности.

Надо сказать, что ранее к буквам, точнее – к **слову** – относились весьма почтительно и, если хотите, трепетно. В русском языке есть множество пословиц и иных мудрых наблюдений, посвящённых **слову**.

Ныне же, когда количество разных слов «на душу населения» постоянно растёт в геометрической прогрессии, на мой взгляд, столь же стремительно падает цена и смысл **слова**. Я ещё застал времена, когда к печатному **слову** относились более чем уважительно, а слова, напечатанные в газете, особенно – в «Правде», народ воспринимал как незыблемую истину.

За **слово**, как известно, ставили памятники, ссылали в каторгу и «пускали в расход»...

На удивление быстро подзабылось сравнительно недавнее время, когда далеко не каждый гражданин СССР имел конституционное право купить себе пишущую машинку. Нужно было собрать кучу документов, доказывающих необходимость и **право** иметь в личной собственности «множительную технику». И хотя на этой «технике» можно было с большим трудом «пробить» под копирку не более шести страниц «слепого» текста на папиросной бумаге, каждая машинка была **зарегистрирована** Великим Государством, и ты не имел права подарить или продать её кому-либо без разрешения этого государства. Такое было отношение к **слову**. Власть боялась **слова**.

Но ещё Маяковский три четверти века назад сокрушался, что «Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платья...».

Обратили внимание: на заборах и иных свободных уличных плоскостях ныне, по большей части, красуются надписи латинскими буквами, а родные, с детства привычные слова, начертанные угловатыми буквами славянского алфавита, ранее считавшиеся «непечатными», легко перекочевали в печатные издания? Но печаль, думаю, не в этом.

Когда-то большевики с успехом решили одну из своих главных задач – **ликбез**, т. е. ликвидацию безграмотности, и долгие годы мы гордились тем, что мы – **самый читающий народ в мире**. Не анализировалось, правда, **что** мы читаем и **как**.

Все члены КПСС (Коммунистической партии Советского Союза) в обязательном порядке выписывали газету «Правда», а несметная армия комсомольцев (членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи) умело направлялась Партией и Правительством на новые подвиги не без помощи «Комсомольской правды». Все областные города необъятного Союза выпускали свою «Правду», а в Союзных республиках – минимум на двух языках. Получалось, что в стране великое множество **правд**. Хотя в Саратове, например, областная газета называлась не «Саратовская правда», а коротко и однозначно – «Коммунист». А молодёжная газета, с которой я долгие молодые годы сотрудничал, имела скромное название «Заря молодёжи». Тысячи и тысячи редакций и типографий районных газет заваливали квартиры законопослушных граждан своими «правдами», неустанно «сея разумное, доброе»... и вовсе не

вечное. Прибавьте к этому сотни тысяч многотиражек, выпускаемых на каждом заводе, почти в каждом колхозе и в каждом уважающем себя учреждении. И все эти миллиарды кубометров газетной бумаги, испещрённой буковками и фотографиями прееотвратного качества, так или иначе использовались в быту.

Надев после ВГИКа солдатскую форму, я, по мере своих возможностей, укреплял моральный дух Советской Армии, служа в дивизионной газете «Таманец».

Прошу также не забывать о многих сотнях самых разнообразных «тонких» и «толстых» журналов, бывших, в частности, хорошей и престижной «кормушкой» для художников.

Ныне остаётся только удивляться, что вся эта несметная масса печатной продукции, постоянно находящейся под «неусыпным государевым оком», была востребована. Вам, как художникам, необходимо знать, что самые длинные очереди по утрам выстраивались именно у газетных киосков (коих в советское время было великое множество), а уж потом – у пивных ларьков (коих было катастрофически мало). В любой квартире вы увидели бы кипы газет и журналов, несмотря на то, что вся эта «макулатура» в основном использовалась в качестве туалетной бумаги и обёрточного материала. Когда вам придётся воссоздавать «эпоху социализма», не забудьте, что дефицит обёрточной бумаги в магазинах вынуждал продавцов заворачивать в газеты селёдку и колбасу, что газета была идеальной одноразовой скатертью в любых условиях, что гладить брюки удобнее всего было через газету, что заботливые жёны заворачивали в газеты бутерброды и сменное бельё мужьям, отправляющимся на работу и в командировку; в газетные же кульки и кулёчки насыпали крупу, сахар и семечки, а смоченные и высушенные комки газет подчас служили отличным топливом... Нынешние газеты столь разительно отличаются от газет, например, двадцатилетней давности, что ныне **ответственный художник** вынужден за большие деньги изготавливать газеты **тех времён** даже для оклейки стен декорации.

Недавно молодой сорокадвухлетний реквизитор не смог сделать из газеты ни одной примитивной сигареты-самокрутки, которые долгие годы курил не только Непобедимый Советский солдат, но и почти весь рабоче-крестьянский народ. Да, время идёт...

* * *

Когда-то ненавязчивая советская реклама скромно утверждала: «Книга – лучший подарок!». Утверждала справедливо, ибо купить нужную или просто хорошую книгу было практически невозможно. Поэтому многие интересные книги мы перепечатывали на машинке или переснимали и печатали на фотобумаге, перепечатывали с перепечатанного и переснимали с переснятого... Помнится, что «Роковые яйца» М. Булгакова я прочитал в конце 60-х в очень плохом машинописном варианте и был потрясён. Мне так захотелось поделиться своими впечатлениями, что я самостоятельно перепечатал произведение, заняв машинку у друзей-сценаристов. «Собачье сердце» и «Мастера и Маргариту» я впервые прочитал тоже в «самиздатовском» виде. А в середине 70-х я переснял на фотоплёнку один из томов «Архипелага ГУЛаг», тайком привезённый друзьями из Лондона.

В СССР был хронический дефицит товаров. Хорошая книга не была исключением. Поэтому некоторые «наши люди», коим удавалось побывать в «загранице», привозили оттуда не джинсы и другие шмотки, а книги, изданные у нас же. В любой стране можно было легко купить книги, о существовании которых мы даже не подозревали. Судя по всему, это было частью внешней политики Советского Союза – издавать небольшими тиражами книги не особо жалюемых нашими властями писателей и торговать ими в иных странах, чтобы заткнуть пасти всяким недоброжелателям и пасквилянтам, нагло клеветущим на нашу Родину злобными измышлениями об отсутствии свободы слова и печати в СССР. Я тоже привёз году в 86-м из Польши «духовную пищу» в виде нескольких томиков Цветаевой, Ахматовой и Гумилёва,

экономив на суточных, т. е. на пище гастрономической. Болгария и Польша были, пожалуй, самыми доступными для «простого советского человека» странами. И хотя бытовало выражение «Курица – не птица, Польша – не заграница», необходимо было преодолеть массу всевозможных препон и пережить ряд унижительных процедур (в том числе – медицинских), чтобы попасть туда. Я уж не говорю, что необходимо было пройти самый настоящий экзамен, где серьёзные люди легко могли «зарубить» твою кандидатуру по политическим соображениям. Например, собираясь в лояльную Канаду на съёмки нескольких эпизодов киноэпопеи «Вкус хлеба», снимаемой, между прочим, по госзаказу, мы были вынуждены всерьёз изучать историю, географию и политический строй Канады и старались запомнить фамилию Первого секретаря ихней Коммунистической партии. В Канаду я так-таки и не попал (по экономическим соображениям), но опыт и ненужные знания остались.

Думаю, вам следует знать, что таможенники любой страны мгновенно узнавали прибывшего советского человека не столько по одежде, сколько по «советским» чеходам, забитым консервами, копчёной колбасой и супами в пакетах. Иметь валюту ты никак не мог, обменять деньги тоже было нельзя, суточные, даваемые государством на прокорм, были откровенным плевком в морду, а привезти хоть какие-то сувениры хотелось. И – голь на выдумки хитра – наши люди варили яйца и пельмени кипятильником в раковинах умывальников, механики съёмочной аппаратуры жарили картошку в банках из-под плёнки, а костюмеры Большого (!) театра запекали мясо между двумя утюгами.

Вряд ли вы сможете понять, сколь унижительно было наше положение на Международном кинофестивале 1988-го года в Каире, когда на все 8 дней нашего пребывания нам выдали по 10 долларов США на нос, справедливо объяснив, что жрачка там халявная, а 10 долларов – щедрость государства на случай непредвиденных обстоятельств. Непредвиденные обстоятельства возникли сразу же. В понтырном пятизвёздочном отеле «Semiramis», где нас поселили, действительно был халявный «шведский стол» с невероятным выбором всевозможных острых и сладких блюд, но любая жидкость, спокойно стоящая на наших столах (за исключением единственной бесплатной чашки кофе **или** чая на завтрак), была нам недоступна. Десятидолларовая купюра, которая в Москве казалась мне чуть ли не пропуском в незнакомый мир, оказалась бумажкой, на которую я мог купить в отеле 4 бутылки пива или минеральной воды, или 4 же чашки кофе. Вышколенные арабы-стюарды внимательно следили за всеми вкушающими пищу и, стоило тебе поднять взгляд от тарелки, мгновенно возникали перед тобой со слащавой улыбкой и неприличным предложением открыть бутылочку пива или воды. Я возненавидел их гадкую угодливость, мерзкие неискренние улыбки и нескрываемое чувство превосходства над окружающими. И где только набрали этих мерзких типов!? Замечательные кварцевые наручные часы-штамповка стоили столько же, сколько стоила бутылка отвратительного египетского пива, поэтому я улетел из Каира, так и не попробовав ихнее знаменитое пиво «Stella», но осчастливив друзей часами и очень дешёвыми сувенирными папирусами. Наши кураторы, отрывая от госбюджета по 10 долларов на представителей культуры, конечно же, не могли предположить, что нам захочется сходить, например, в великолепный Каирский музей или, скажем, в туалет, находящийся вне отеля. Так что, в тот раз из Каира я никаких книжек не привёз.

Зато много книг мы обычно привозили из поездок по выбору природы. Заезжая в любой посёлок или большую деревню, мы первым делом интересовались, где у них книжный магазин. В одном казахском ауле я приобрёл – вы не поверите – трёхтомник «Опытов» Монтеня и 2 тома «Мифов народов мира», которые в Москве можно было, похлопотав, достать за десятикратную стоимость.

Никто не знает, по какому принципу распределялась по торговой сети печатная продукция, но мы поняли – чем дальше населённый пункт от так называемых культурных центров, тем больше там неожиданной и превосходной литературы. Деяния наших чиновников от торговли и всякой там пропаганды не соответствовали никакой логике и здравому смыслу. (В письме

«Созвездие Быка на карте Родины» я рассказал об освежителе воздуха для туалетов – одном из двух товаров на пустых полках магазина в глухой деревне Саратовской области. Вторым товаром был крем после бритья с витамином F. Больше там не было ничего. Но это – картинка из конца 2000-го года). В Советском Союзе прилавки магазинов не пустовали, но чаще всего были завалены ненужными товарами. Например, в бескрайних степях Казахстана я встречал в продаже бензопилу «Дружба», а также ласты и другие принадлежности для плавания. И, поверьте, мало бы удивился, если бы увидел в магазинах Туркмении лыжи и валенки. В провинциальных книжных магазинах вечно было не найти детских книг, учебников и школьных тетрадей, зато встречались труды Джонатана Свифта и великая книга Эразма Роттердамского.

В экспедициях мы заводили знакомства с продавщицами книжных и букинистических магазинов и удачно пополняли свои библиотеки. Особенно выгодно было ходить по магазинам с известными артистами и, «примазываясь» к их популярности, получать свою долю дефицита.

Ещё книги спасали в трудные времена, коих, к сожалению, было много. Когда «костлявая рука голода» в очередной раз сжимала стенки желудка, я нёс, как правило, дорогостоящие альбомы по искусству в букинистический магазин, успокаивая себя тем, что качество полиграфии растёт, значит, скоро выпустят более хорошие альбомы, которые я смогу купить, когда утрясутся финансовые проблемы. Оценщик сверялся с каталогом, и кассир сразу же выдавал деньги, вычтя справедливые 20 % за труды магазина. Со временем действительно выпускались новые альбомы, правда, возникали и новые финансовые проблемы. Поэтому, когда кто-либо из друзей дарил мне очередной альбом, я просил его сделать дарственную надпись на титульном листе – это было почти гарантией того, что альбом останется у меня.

Времена меняются, отношение к книгам – тоже, и теперь продать книгу не так-то просто. Зато достаточно легко можно приобрести почти любую книгу. Помнится, в так называемые «лихие девяностые» на любом книжном развале спокойно продавалась «Mein Kampf» несостоявшегося художника Адольфа Шикльгрубера. О, времена! О, нравы!..

А в 70-х и 80-х я безуспешно искал любую книжку моего любимого Виктора Конецкого, пока директриса какой-то районной библиотеки в сибирском городе Междуреченске, узнав об этой моей беде, не выкрала из собственной же библиотеки нечитанный двухтомник Конецкого и не подарила его мне.

Теперь не слишком капризному библиофилу вовсе не обязательно ходить в библиотеки и книжные магазины – многие издания можно легко найти в Интернете. Книга стала настолько доступной, что, на мой взгляд, пропала радость обладания новой книгой, и вообще изменилось отношение к **слову**.

Раньше охота за книгой была для многих подчас важнее и интересней самой книги.

На хорошие книги тоже была мода. По характеру домашней библиотеки можно было судить о социальном и интеллектуальном уровне хозяина, его интересах, связях, финансовых возможностях и т. д. Кажется, в середине 70-х началась подписка на двухсоттомник избранных произведений классиков мировой литературы. Издатели предполагали осилить этот проект лет за 10. Ажиотаж был просто сумасшедший. Те, кому каким-то чудом удалось оформить эту подписку, вызвали у прочих чувство жгучей неизбывной зависти и злости на свою несчастную судьбу. Не очень понятно, кто и по какому принципу составлял проект этого двухсоттомного книжного монстра, но довольно скоро стало ясно, что многие авторы и их произведения нормальным людям не очень нужны. Ажиотаж, тем не менее, не угасал. Но на полках букинистических магазинов стали появляться отдельные тома, и многие по инерции их покупали и с гордостью ставили в свои шкафы. Правда, я не встречал ни в одном доме больше 50–60 томов, да и те, по большей части, стояли «для красоты».

Если вам придётся делать декорацию советской квартиры 80–90-х годов, хозяева которой имеют «среднеинтеллигентный» статус, «вышесредний» доход и **нужные** связи, постарайтесь найти и изготовить хотя бы корешки суперобложек того двухсоттомника. Это очень

характерно и недорого в изготовлении. Ещё в таких домах непременно были в моде любые подписные издания и полные собрания сочинений (неважно – кого). Корешки изготовить тоже несложно. (Кстати, совет о **нужных** связях. Старайтесь, по возможности, спекулировать на остатках бескорыстной любви народа к кинематографу – заводите любые **нужные** для работы и жизни знакомства. Дружите с хорошими **нужными** людьми, которых некоторые циники так и называют – **нужники**).

Ещё вам надо знать, что одним из показателей достатка и благополучия крепкой советской семьи на протяжении нескольких десятилетий была хрустальная и фарфоровая посуда, которую хозяйки держали в своих квартирах на самом виду за стеклянными дверцами сервантов и буфетов и которой эти хозяйки не позволяли пользоваться никому и никогда. Еде-то к середине 60-х все эти «хрустала» и любовь к ним были всенародно высмеяны и обозваны одним оскорбительным словом – «мещанство». Постепенно с застеклённых и «зазеркаленных» витрин сервантов исчезла не только дорогая во всех смыслах посуда, но и сопутствующие статуэтки и прочие слоники. Теперь на самом видном месте в квартире семьи, не желающей быть «мещанской», красовались книги, которыми, впрочем, тоже, чаще всего, не позволялось никому пользоваться, и уж тем паче – выносить из дому. В иных домах я встречал полуштукатурные надписи, которые остужали желание гостя попросить у хозяев книжку на время: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!». Знаете, а по тому времени это было правильно. Я потерял много книг, давая друзьям их почитать. А некоторые из друзей и вовсе не считали зазорным умыкнуть у тебя понравившуюся книгу.

В кабинетах начальников самых разных рангов книги тоже были непременным антуражем и атрибутом. В кабинетах Больших Начальников в застеклённых шкафах обязательно стояли все тома полного собрания сочинений Ленина (а примерно до 55-го года – и Сталина) и Большой Советской Энциклопедии. Остальная литература – по усмотрению хозяина кабинета и профилю его работы. Некоторые начальники скромно напоминали, что они – люди интеллигентные, выставляя напоказ подписные издания, например, Пушкина, но не Достоевского. А в кабинете начальника Бутырского СИЗО в 1975-м я видел, кроме «непременного набора» книг, ещё и все тома прекрасно сохранившейся **антикварной** энциклопедии Брокгауза и Ефрона, явно попавшей туда не **по разнарядке**, а, скорее всего, подаренной ему кем-то из подследственных.

Вспомнился анекдот:

Берия приказал повесить в своём кабинете портрет Пушкина, объяснив удивлённым подчинённым:

– Это он первым призвал: «**души** прекрасные порывы!».

* * *

Пожалуй, стоит рассказать ещё об одном благом эксперименте, затеянном году этак в 1973-м, при помощи которого чиновники страны Советов в очередной раз собирались «убить» двух, а то и больше «зайцев» – утолить духовный голод народонаселения и одновременно якобы сохранить миллионы гектаров леса, истребляемого для производства бумаги, используемой, в частности, и в книгопечатании. Придумка была, как всегда, гениальной: гражданин сдаёт в приёмный пункт 20 кг макулатуры, а взамен получает талон, который даёт ему право приобрести хорошую книгу, изданную специально для поощрения интеллектуальных сборщиков макулатуры. Духовной жаждой томимый народ кинулся собирать макулатуру. Началась буквально всеобщая охота за бумагой и её производными. В азарте охоты обычно добропорядочные и законопослушные граждане часто преступали законы морального и уголовного кодексов. Очистив свои чуланы и антресоли от старых газет, журналов, растрёпанных детских книжек и писем друзей, солидные люди стали воровать с работы любые бумаги, бродить по

задворкам магазинов в поисках бесхозной картонной тары и беззастенчиво рыться в мусорных контейнерах. Наши люди перестали выбрасывать пустые пачки-коробки из-под тортов и пельменей, стирального порошка и сигарет... Некоторые из моих знакомых буквально свихнулись: они утрамбовывали в бумажные мешки всё бумажное – от конфетных фантиков до специально сохранённых троллейбусных билетиков. Они обзавелись безменами и периодически взвешивали эти мешки. И это были люди, квартиры которых были битком набиты самыми разными, нужными им книгами! Они обвиняли меня, долго не поддающегося всеобщему ажиотажу, в нелюбви к деревьям, лесам и Родине. Их, имеющих огромные домашние библиотеки, судя по всему больше интересовало участие во всеобщем полезном мероприятии, чем книга, которую они смогут купить за эти проклятые 20 кг... А самой первой книгой, я бы сказал – Книгой с большой буквы – обещали выпустить замечательную и совершенно необходимую в домашней библиотеке, можно сказать, настольную книгу, без чтения которой советскому человеку очень скоро наступит хана – «Королеву Марго» Александра Дюма.

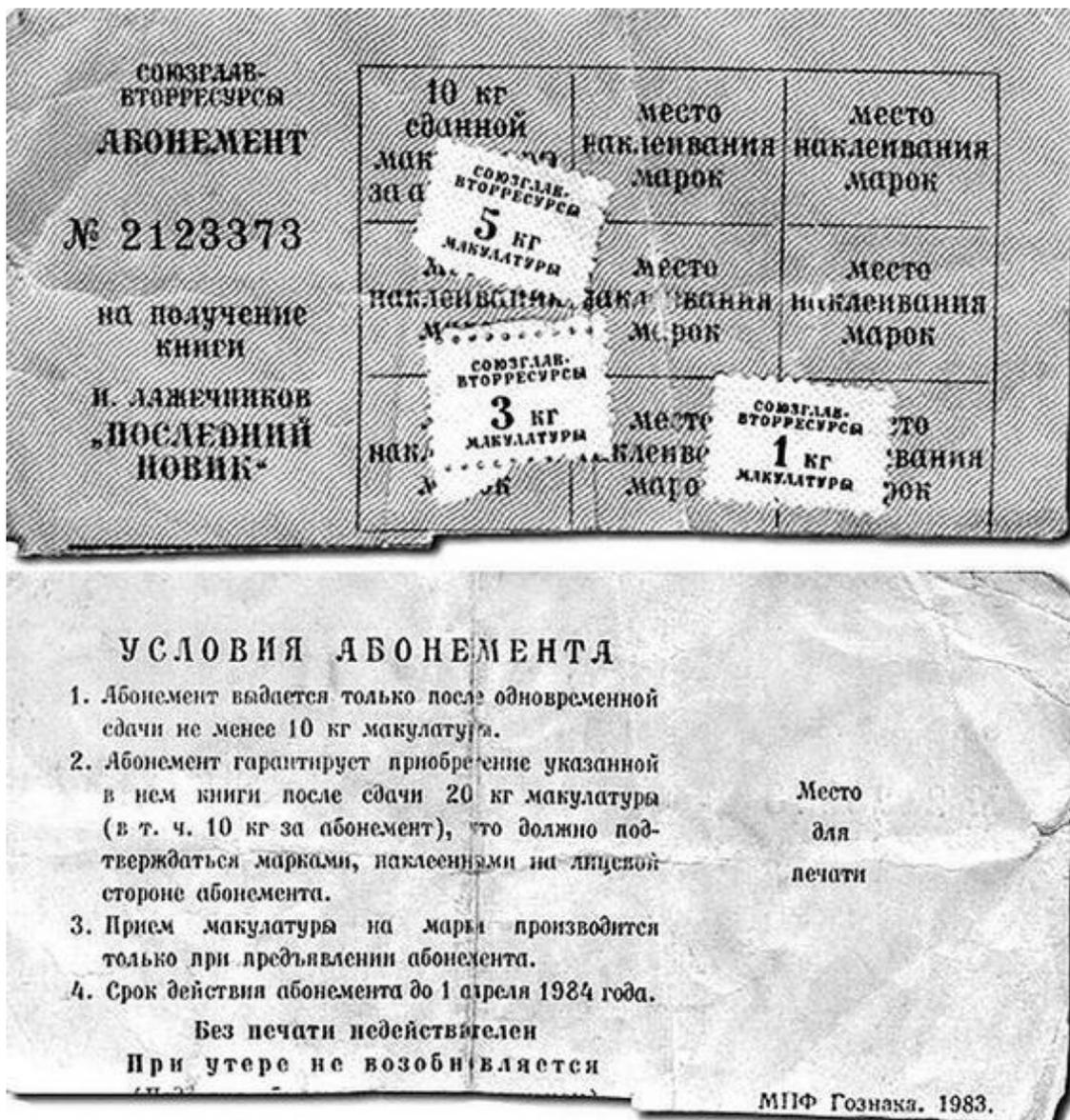
Затевая столь мощную общегосударственную кампанию, власть, играя на лучших струнах души советского человека, предусмотрела, как ей казалось, всё. В стране была быстро создана огромная сеть приёмных пунктов макулатуры, проведена большая пропагандистская работа, организован транспорт и, наверное, усилены мощности всяких комбинатов, подготовлены кадры специалистов по приёму этого ценного вторсырья, выпущены всевозможные листовки и плакаты типа «Сдал макулатуру – спас дерево», отпечатаны и распределены талоны... И т. д., и т. п. Народ, изголодавшийся по неполитизированной литературе, самозабвенно собирал всякий бумажный мусор, тащил его на приёмные пункты, где мок и мёрз в очередях в ожидании заветного талончика на **право(!) покупки(!) книги(!)** – такой любимой и долгожданной «Королевы Марго»! Какие дальновидные политики придумали осчастливить народ именно версией судьбы несчастной королевы – неизвестно, но фокус удался: народ на время забыл о хронической нехватке колбасы и прочих продуктов питания тела. Тем более, что следующей обещали выпустить книгу аж самого сэра Артура нашего... Конан Дойла! И выпустили-таки, сдержали обещание! Была она, правда, уже в мягкой обложке, но, что поделаешь, в стране – дефицит картона и коленкора. Зато называлась книжка очень завлекательно – «Собака Баскервилей» и содержала, кроме собственно «Собаки», ещё семь наиизвестнейших с детства рассказов. Однако я слишком забежал вперёд.

Мудрые власть имущие чиновники (как выразился пару десятилетий спустя незабвенный премьер В. Черномырдин) хотели – как лучше, а получилось – как всегда. Восседавая в своих высоких кабинетах, они, как обычно, не учли такую мелочь, как так называемый человеческий фактор. Некоторые рассеянные граждане, мечтая о встрече с королевой, иногда увеличивали вес макулатуры добавлением металлолома. Но это – мелочи. Некоторые несознательные приёмщики, стремясь заполучить за свой героический труд лишние талоны, иногда оставляли тонны принятой макулатуры под дождём, а в сухую погоду поливали её из шлангов в свободное от работы время. Но это – мелкие издержки системы. Некоторые сомнительные личности, явно не сдававшие никакой макулатуры, предлагали купить талоны за умеренную цену. Но это – совсем уж не стоящая внимания чепуха.

Основная же масса сознательных и добропорядочных граждан трудолюбиво копила и сортировала свою макулатуру, вынимала скрепки и пружины из исписанных школьных тетрадей, связывала стопки бумажным шпагатом, везла плоды своих усилий к ржавым пунктам приёма и терпеливо, невзирая на погоду, – бывало, отмечаясь с вечера, – стояла в очередях на получение клочка бумаги с цифрами, означающими вес их лепты в дело спасения родной природы.

Чиновники слегка «зачесали репу», когда выяснилось, что талоны, напечатанные в некоем соответствии с предполагаемым тиражом «Королевы», кончились, а горы макулатуры всё росли и росли. Тогда было всенародно объявлено, что планируется ещё выпуск большин-

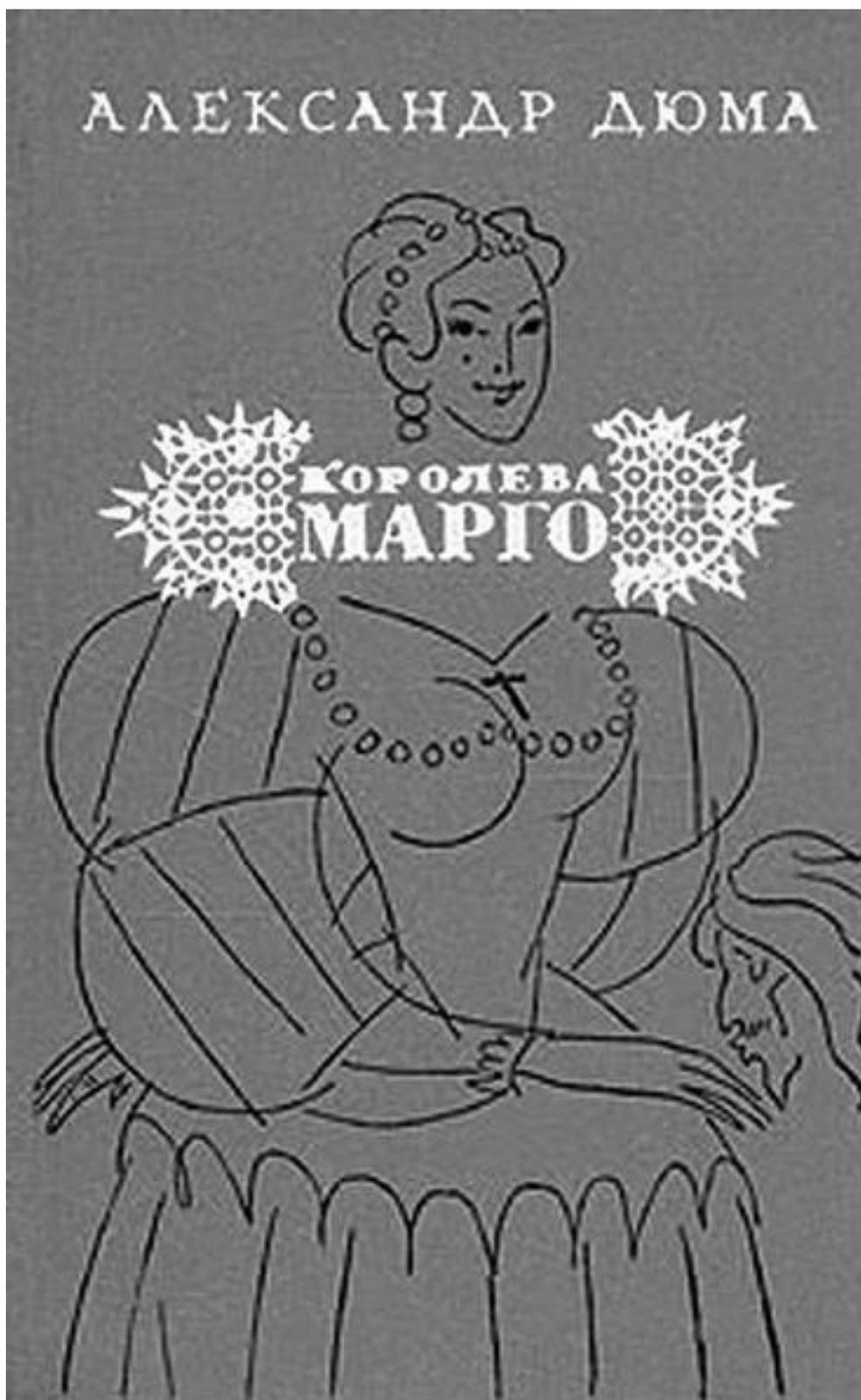
ства шедевров Дюма и других, не менее великих писателей – список прилагался. Это подстегнуло народные массы к новым ухищрениям и разного рода хищениям. Тысячи и тысячи учреждений, доселе ежегодно и **планово** избавлявшиеся от накопившегося архивного хлама, перестали выполнять этот государственный план – многие тысячи тонн некогда «ценных бумаг» ушли за талоны, которые, к слову, были приравнены к ценным бумагам, имея на аверсе номера, как на денежных знаках, а на реверсе – устрашающую надпись: «Подделка абонемена карается законом». (На данном абонементе 1983-го года, к сожалению, эта фраза оказалась срезанной, можно разглядеть лишь верхушки букв «П» и «б» и «хвостики» скобок). Тысячи и тысячи библиотек по всему необъятному Союзу провели учёт и переучёт своих фондов и избавились от **обветшавших** книг, основную массу которых составляли нечитанные труды классиков марксизма и всевозможные материалы по съездам КПСС. И всё это несметное богатство было брошено под ноги «Королевы»! Государство взвыло. В срочном порядке были запрещены к приему книги с библиотечными штампами и в твёрдых переплётках, газеты и журналы в подшивках, архивные и другие папки, имеющие металлические скоросшиватели. Приёмщикам макулатуры было велено строго соблюдать новые правила приёма, что позволяло им ещё больше куражиться над гражданами, которым они и ранее, как правило, не платили определённые государством 2 коп. за 1 кг. Как думаете – помогло такое усиление контроля? Из продуктовых магазинов практически исчезла всяческая «завёрточная» бумага (полиэтилена тогда ещё не было), на афишных щитах и тумбах месяцами не обновлялась реклама, а во множестве всевозможных НИИ тоннами бесследно исчезали перфокарты для ЭВМ – «бабушек» нынешнего компьютера.

Абонемент на ПОЛУЧЕНИЕ книги

Народ спешил утолить духовный голод, надолго забыв о хлебе насущном.

Александр Дюма, побывав в своё время в России, самовлюблённо заявил: «Русские читают только меня! Это делает честь их вкусу...». Если бы он дожил до 1974-го, то лопнул бы от счастья и зависти к самому себе. Он, довольно откровенно презираемый большинством писателей, был почитаем только Максимом Горьким и, как оказалось, так беззаветно и непререкаемо любим нашим многомиллионными многонациональным советским народом, что страна «встала на уши»!

Обложка заветной книги

Да, теперь, издавдалека, всё видится достаточно весело. А тогда, заполучив, наконец, вожаденный талон со всеми необходимыми марками и печатями, ты только-только вступал на путь мытарств и унижений. «Королева» была растиражирована в 500 000 экземплярах. Но разве это много – полмиллиона – для «самой читающей страны в мире»? Те, кто, так или иначе, был ближе к «товару», хорошо на нём «грели руки». Все остальные обладатели **права на покупку**

книги, сбегая с работы и учёбы, вслепую метались по книжным магазинам, где их чаще всего встречало объявление: «**Королева Марго**» **кончилась, осталась только «Собака Баскервильей»**. Миллионы пар башмаков, стоптанных в поисках несчастной «Королевы», тысячи несбывшихся надежд и обрётённых разочарований, сотни разбитых судеб и расквашенных носов в драках у дверей и прилавков магазинов в стремлении обладать ею, десятки инсультов и инфарктов... Этот Великий Всесоюзный Макулатурный Эксперимент ещё ждёт своего исследователя или, как минимум, сценариста. Если бы я, досконально изучив тему, написал некое эссе, то, скорее всего, назвал бы его «**Королева Марго**» и **Великая Советская Макулатура**».

А теперь внимательно рассмотрите картинку – не зря же я её для вас разыскал. На ледериновом переплёте цвета спелой моркови художник смело изобразил **ничто**, на мой взгляд, **не поддающееся никаким пристойным комментариям**.

Да, чуть не забыл. Я ведь, в конце концов, поддался уговорам друзей и всесоюзному ажиотажу, прошёл тогда всю «цепочку» и теперь записал эту историю по собственному опыту и воспоминаниям, являясь счастливым спасителем родной природы и почётным обладателем и «Королевы», и «Собаки». Специально для вас раскопал в своих завалах книжонку любимого сэра Артура, стоившую 56 копеек (цена аж двух батонов хлеба или одиннадцати поездок на метро, или почти двух пачек сигарет «Ява») и множества трудов, мытарств и унижений, чем хочу доказать вам, что я, по роду нашей профессии вынужденный очень часто вырубать деревья и другие «зеленные насаждения» ради красоты кадра, **тогда спас несколько веточек**, которые, надеюсь, разрослись, по-своему благодарны мне. Обложку, как видите, отсканировав по частям, я старательно собрал воедино, дабы вы смогли в полной мере оценить уровень мастерства художника и степень его «глубины погружения в тему».

Разворот обложки сборника «Собака Баскервильей»

Вы не обращали внимания, что на корешках всех **русских** книг шрифт пишется снизу вверх, а на всех **иноязычных** – сверху вниз? Почему? Мы и в этом **не такие, как все**? Ведь кто-то когда-то **придумал именно так и УЗАКОНИЛ!** Казалось бы, какая разница – наклонить голову влево или вправо, когда книги стоят на полке? Но положите **русские** книжки на стол – хоть стопкой, хоть поштучно. Положили? А теперь вам придётся встать на голову, чтобы прочесть название книги. Неудобно? Вот и приходится класть книги «мордой» вниз – некрасиво, но удобно. Я неоднократно спрашивал разных издателей, **откуда так повелось?** Не знает никто. Но традицию изменить тоже не рискнул никто, даже **частные** книгоиздатели.

Такие вот мы – особенные во всём!

Вспомнился анекдот, почти похожий на правду. Когда наши инженеры проектировали первую российскую железную дорогу, они спросили Императора Николая Его:

– Нам ширину колеи делать такую же, как в Европе или шире?

– На... шире? – грубо удивился царь-батюшка.

С перепугу ли, сдуру, но перепутали интонацию Императора с вопросительной на восклицательную, и вот уже, почитай, 150 лет серьёзно мучаемся на всех границах, переставляя все вагоны на другие колёсные тележки, потому что **наша колея** шире, хотя и на лилипутский, но всё же – размер... И изменить это никак невозможно.

А про книжно-макулатурный бум я ёрничал по причине вечной, непрестанной тоски и боли за нас, **особенных**. По моим наблюдениям, с приходом эры компьютеров – парадокс – бумаги стали изводить в десятки раз больше, а макулатура вообще никого не интересует. Только за последние несколько лет, изъездив Архангельскую, Нижегородскую, Ярославскую, Московскую, Тверскую области, Горный Алтай и Пермский край, я имел печальную возможность воочию убедиться, сколь **мы деградировали**, чудовищнейшим образом истребляя **ЛЕС**, который издревле был **НАШИМ БОГАТСТВОМ**. То, как безнаказанно и безобразно расхищается это богатство, нельзя назвать даже **хищничеством**, потому что **любой хищник** ведёт себя **разумно**, в противном случае он и его потомство в ближайшее время сдохнут с голоду. И только на Нижегородчине я видел микроскопического размера (2–3 гектара) делянку, **засаженную** молодыми соснами. Везде, везде лес **только ВАЛЯТ**, валят торопливо, неумело и нещадно. Некрасов с его «Плакала Саша, как лес вырубали» умер бы на месте, увидев современную мощь машинных и алчность человеческих монстров. Извините, ненароком «сковырнул» ещё одну «болячку».

Стыжусь, но в деле спасения родной природы посредством сдачи макулатуры я тогда принял минимальное участие, ибо ни на «Женщину в белом», ни на «Перстень с печаткой», ни на «Похитителей бриллиантов», ни на серию «Проклятых королей», ни на «Голову профессора Доуэля», равно как и на все другие последующие «макулатурно»-литературные издания, меня не хватило.

* * *

Теперь я редко покупаю беллетристику. Многого нахожу в Интернете. Но – вот беда – часто бывает так, что, найдя в Интернете безуспешно искомое ранее произведение, я, обрадовавшись и даже напечатав и сброшюровав его, быстро и благополучно забываю о нём, так и не прочтя. То же происходит и с фильмами. У меня лежит с десятков дисков с бывшими новинками кино, которые посмотреть я так и не удосужился. Может быть, это нормальное свойство любого обладателя – терять интерес к предмету обладания? Во всяком случае – это тема для размышлений и всяких обобщений.

И, может быть, потому нынешняя молодёжь, на мой взгляд, менее любопытна, что всё стало более доступно?

Когда-то, в студенчестве нам дали всего лишь на ночь почитать «Окаянные дни» Бунина. Это были листки папиросной бумаги со «слепым» машинописным текстом и большим количеством раздражающих опечаток, но мы втроём напеременку почти всю ночь читали вслух, отвлекаясь на восторги и комментарии. Спустя годы, обнаружив в Интернете и распечатав «Окаянные дни», я «пробежал» глазами страниц 5–7, улыбнулся, что многое хорошо помню, и куда-то положил. Отчего пропал интерес?

Известно – запретный плод сладок.

В босоногом, вихрастом детстве, находясь в деревне, я совершал с местными пацанами набег на колхозные сады, рискуя получить заряд соли в какую-нибудь часть тела. Мы набивали полные пазухи незрелыми яблоками, которые потом, надкусив и скривившись от оскомины, безжалостно выбрасывали. И хотя в своих садах такой же кислятины – завались, мы лезли в чужие, потому что – нельзя, потому что – опасно.

Мы иногда читали запрещённую литературу не потому, что она хорошая, а потому, что она – запрещённая, опасная.

Когда-то, не успев дочитать один из томов «Архипелага ГУЛаг», я переснял его на фотоплёнку, о чём упоминал выше. Но я не рассказал, что, пересняв, отдал книжку и успокоился. Кучу кассет проэкспонированной фотоплёнки я проявил лишь через несколько лет, когда срок годности плёнки уже истёк. Мне всё же удалось напечатать с плохих негативов страниц 20–30, и я снова успокоился – ведь теперь негативы не погибнут. Когда, наконец, «Архипелаг» появился в продаже, я купил пару томов, но, признаюсь, тоже толком не читал. 31-го июля 2010 года, я, вернувшись после съёмок в менее задымлённый, чем Москва, Переславль-Залесский, купил в гостиничном киоске «В круге первом», который тогда, когда он существовал только в «списках», мы зачитывали до дыр. Интересно, достанет ли у меня сил, желания и досуга прочесть его теперь?

Когда-то был анекдот:

Сидит бабка и что-то печатает на машинке.

– Семёновна! – кричит ей сосед. – Мемуары сочиняешь?

– Да нет, – отвечает она. – Внуку в школе задали прочесть «Муму», а он литературу читает только в списках.

Иногда, читая «литературу в списках», я удивлялся тупости наших властей. Во-первых, литература, подогретая ажиотажем запрета, быстрее и шире распространяется и вызывает больший интерес у народа, всегда неприязненно относящегося к любой власти. Во-вторых, власти своим запретом и гонениями резко поднимают, говоря по-нынешнему, рейтинг автора. В-третьих, даже самые антисоветские, но опубликованные произведения не причинили бы этой власти такого вреда, какой приносили запрещённые. В-четвёртых, – и это едва ли не самая большая, на мой взгляд, ошибка недалеовидных цензоров, – часто в список «**нерекомендованных к изданию**» попадали слабые произведения посредственных авторов, которые впоследствии делали себе на этом **имя**, числясь в непризнанных гениях и десятилетиями гордо нося «терновый венец великомученика».

Примерно то же самое происходило и с фильмами. «Андрей Рублёв», например, лет 20 пролежавший «на полке», всё равно был многократно просмотрен, изучен и растаскан на цитаты коллегами-кинематографистами. Десятки же других, «многострадальных» лент, вызывали лишь недоумение, когда запрет был снят.

Власти в своём радении о благе народа, по-моему, никогда не отличались умом. Ещё, кажется, Герцен писал о том, как быстро распространился картофель во Франции благодаря умной политике Тюрго, который разослал всему высшему сословию картофель на посев, строго запретив давать его крестьянам. Но тайным указом велел не препятствовать им **красть** и тоже сажать картошку. За короткое время картофель заполонил всю Францию. (Вот вам ещё конкретный пример, что запретный плод – сладок). В России же заботливые власти доказывали

глупым крестьянам преимущества заморского овоща перед всякой там репой и брюквой при помощи розог и картечи и вбивали кулаками урядников и казаков картошку в пасть упрямому селянину вместе с зубами. Так, привезённый из Голландии ещё великим Петром и ставший впоследствии, пожалуй, главным национальным продуктом, картофель был **насаждён** в России лишь в середине 19-го века.

Вот и мы, педагоги и преподаватели, иногда путая кнут с пряником, пытаемся, по мере своих слабых сил и возможностей, чему-то научить студентов, что-то им доказать. А студенты... студенты, пришедшие, казалось бы, учиться, мечтавшие и готовившиеся, выдержавшие огромный конкурс и испытавшие радость ощущения себя студентами, довольно быстро начинают лениться, «сачковать», кое-как выполняют задания и всячески сопротивляются **любой** программе обучения. К сожалению, амбиции и упрямство у студентов далеко опережают знания и стремление к ним.

Дорогие мои! Задайте себе вопрос: «А хорошо ли я знаю, например, русскую литературу хотя бы в пределах школьной программы?». Признайтесь, что и в школе вы, всячески сопротивляясь и изворачиваясь, учились весьма посредственно.

Тысячи амбициозных абитуриентов ежегодно заполняют коридоры ВГИКа, имея представление о Чехове, в лучшем случае, по мультфильму «Каштанка».

Вспомнился, по-моему, очень хороший анекдот.

Два мужика копают яму под фундамент для памятника.

– А кому памятник-то будет? – спрашивает один.

– Да этому, как его, Чехову.

– А-а, это который «Муму» написал?

– Да не-ет, «Муму» другой написал.

– Вот у нас вечно так: один написал, а памятник другому ставят!

Недавно я узнал, что Вадим Юсупович Абдрашитов дал своим студентам – будущим режиссёрам! – задание непременно прочитать за лето ряд книг. Угадайте – каких?

Список состоял из названий **тех** произведений **тех** авторов, которых они **проходили** по школьной программе. Судя по всему – **прошли...** мимо, не читая.

– Представляешь, – сетовал Абдрашитов, – я иногда не знаю, понимают ли они вообще то, что я им говорю. Сравниваю какой-то персонаж с Катюшей Масловой или Соней Мармеладовой и прихожу в ужас, выяснив, что студенты не знают, кто это такие...

С появлением калькуляторов мы быстро и радостно забыли таблицу умножения. С наступлением эры глобальной телефонизации и компьютеризации мы очень облегчили работу почте. Но писать письма молодёжь стала многократно больше. Она ловко строчит корявые «эсэмэски» и сутками сидит в разных чатах, обмениваясь информацией и эмоциями на чудовищном языке. Понимаю, что это – не есть показатель всеобщей деградации, но тенденция успешного освоения лексикона современной «Элочки-людоедки» с уголовно-дебильным уклоном весьма очевидна.

Исходя из многолетнего опыта общения со студентами, с сожалением констатирую, что подавляющее большинство из них не обучено не только грамотно писать, но и **не умеет читать**. Для нашей профессии это, можно сказать, **катастрофично**.

Друзья! **Учитесь читать!** Ведь одной из основ профессии художника кино является грамотное во всех отношениях понимание сценария, **понимание слова!**

Я иногда зачитываю вслух студентам куски текста того произведения, которое они же выбрали для работы, а потом задаю самые разные вопросы, убеждаясь из их ответов, что они не утруждались при прочтении пониманием незнакомых для них слов и выражений, а заполнять зияющие пробелы в своём образовании им попросту лень. Да, мы, как всегда, ленивы и нелюбопытны. И это, пожалуй, главные наши беды вместе с «дураками и дорогами».

Студент ныне, мало того, что «пошёл» какой-то хилый, болезненный – часто пропускает занятия по болезням, не подтверждённым впоследствии никакими справками, – так ещё норовит улизнуть с занятий, на которые, осчастливив мастера, пришёл. Покажет свои работы, послушает вполуха замечания, немножко повозражает и поупрямится «для порядка», потом откровенно заскучает и начинает отпрашиваться, выдумывая всевозможные причины. Обычно я отпускаю. Зачем удерживать против его воли человека, **добровольно** пришедшего **учиться**? Зная, что любое обучение – это, так или иначе, насилие, я всё равно уверен, что армейский принцип – не умеешь – научим, не хочешь – заставим – для вуза непригоден. А «линяет» студент с занятий, потому что ему **нелюбопытно** увидеть, что сделали его сотоварищи и что скажет мастер по поводу **их** темы и **их** работ. Такой студент, как правило, интересен только сам себе.

Дорогие мои студенты! Учитесь быть любопытными, не стесняйтесь задавать вопросы, обнаружив этим своё незнание. Ведь, получив ответ, вы будете знать чуточку больше. Не ленитесь добывать самую разную информацию. Она расширит ваш кругозор и всегда может пригодиться. Обязательно **перепроверяйте** полученную информацию – так вы уменьшите количество неизбежных ошибок, а знания станут объёмней.

Работая над любой, даже, казалось бы, очень простой и знакомой темой, изучите то, что находится «вокруг и рядом», постарайтесь понять предпосылки возникновения данного произведения и условия его написания, непременно ознакомьтесь с биографией автора, обратите внимание на круг его друзей и интересов, характер политического строя и географического положения страны, в которой жил автор и живут персонажи, осознайте их социальный статус, попробуйте «влезть в их шкуру», чтобы лучше понять их характеры и «среду обитания»... Постарайтесь прочесть другие произведения данного автора и многократно перечитывайте вещь, над которой вы работаете, внимательнейшим образом следя за стилем, композицией и языком автора...

Эти советы – всего лишь капля напоминаний о том необъятном море несистематизированных знаний, коими вы должны обладать, работая над любой темой. Короче – без добросовестного и глубокого изучения материала, по-моему, в нашей профессии работать нельзя. И бессовестно. **Учитесь ставить себе самые неожиданные задачи и искать пути их решения. Никто, кроме вас, их не решит, если, конечно, вы хотите быть художниками, а не бездумными исполнителями чьих-то замыслов, придумок и указаний.**

* * *

В качестве примера расскажу всего лишь одну «историю» из нашего с Виктором Ивановичем Юшиным многолетнего совместного педагогического опыта.

Тема семестрового задания – «Русская классика». Мы предложили почитать и взять для работы любое небольшое произведение И. А. Бунина. Встреча с великолепной прозой Бунина – всегда праздник. Для художников – двойной праздник: Бунин замечателен не только прекрасным и «вкусным» русским языком, но и потрясающими описаниями природы, быта, костюма, вниманием к разнообразным деталям.

Одна из студенток выбрала один из моих любимых рассказов «Натали», и мы благословили её на работу.

Естественно, мы многократно и терпеливо разъясняли и советовали студентам, на что надо обращать особое внимание при прочтении произведения и работе над темой. Но, зная по опыту, что студенты **читать не умеют**, я обычно заготавливаю «каверзные» вопросы.

Итак, барышня сама выбрала рассказ «Натали». Значит, она должна была читать его, как минимум, не единожды и очень внимательно, сделать разные выписки, составить спи-

сок вопросов себе и нам, собрать кой-какой изобразительный материал по теме... Несколько недель она «читала», а когда принесла первые свои наброски, мы снова убедились, что **научиться грамотно читать – дело трудное**. Уже по первым «почеркушкам» было видно, что студентка плохо слушала наши советы, рассказ читала очень невнимательно, а потратить время на изучение материала просто поленилась. Пришлось устроить «показательный допрос», в ходе которого она и мы убедились, что по теме она не знает абсолютно ничего. Ведь она даже не удосужилась прочесть биографию Бунина!

(Много лет я пытаюсь буквально заставить студентов начинать работу с изучения времени и места рождения автора, пытаюсь научить их пользоваться географическими картами, которые ныне – хвала Интернету – стали более чем доступны, и из которых **художнику** многое становится понятным. Тщетно! Сколько ни доказывай, что писатель, как правило, «живописует» родные и знакомые места, редкие студенты прислушиваются к этим настоящим советам и даже требованиям).

На одной из её картинок был нарисован некий «среднеарифметический» «помещичий» дом, стоящий на невнятном **бугре**, на фоне невнятной же «кучерявой» растительности. (Не хватало только пруда с лебедями на переднем плане, чтобы стать эскизом для намалёванного на клеёнке ковра). Открываю рассказ и зачитываю: **«Я походил по саду, лежавшему, как и вся усадьба, в речной низменности»**. Ладно, не заметила описания, бывает. Привычная невнимательность к «буковкам».

– Дом, – спрашиваю, – деревянный или каменный?

– Деревянный, – отвечает.

Открываю заранее подчёркнутые строчки: **«Потом мы стояли на балконе, облокотись на каменную балюстраду...»** и **«...опиралась на нагретый солнцем старый камень балюстрады...»**,

– Видишь, – говорю, – Бунину не лень было описывать такие детали, а тебе эти детали почему-то неинтересны, ты, следя за сюжетом, судя по всему, «картинок» не видишь. Кстати, где происходил бал студентов, в каком городе? И в какой губернии находилась усадьба?

– Кажется, Воронеж... – робко отвечает студентка.

– Замечательно! – радуюсь я. – Выходит, не напрасно дядя Бунин столько раз упоминал родное с детства название. Смотри: «...– **кстати, кто она, – откуда? – Наша воронежская, из прекрасной семьи...**», а вот какая деталь: «... **покрасивее причесал свои чёрные мокрые волосы, подстриженные вчера в Воронеже...**», а тут даже дважды название повторяется в одном предложении – **«...был бал воронежских студентов в Благородном собрании в Воронеже»**. А где, кстати, находится Воронежская область?

Ответом был потупленный взор.

– Ну, хотя бы приблизительно! Севернее Москвы, западнее, или южнее? – допытывался я. – Неужели не интересна география страны родной? Вот поэтому ты нарисовала эти невнятные домики... Читай внимательно, что дядя пишет: **«...только что село солнце, горел закат. Справа краснел против него правильный ряд белых одинаковых хат...»**. Смотри, как вкусно – **краснел ряд белых хат...** Что такое хата, знаешь? Нет? И в словарь заглянуть досуга не было? Тогда читаю дальше: **«...бессознательно вышел на широкий шлях, пролежавший между усадьбой и хохлацкой деревней немного выше её, на степном голем взгорье. Шлях вёл в пустые вечерние поля. Всюду было холмисто, но просторно, далеко видно»**.

Короче, в очередной раз выяснилось, что барышня не только не поняла, не увидела в рассказе ничего, кроме сюжета, но и **не захотела ничего понять и увидеть**. Пришлось долго и подробно объяснять ей, кто такие **хохлы** и **кацапы**, почему **хаты белые**, что такое **шлях**, пришлось быстренько и схематично рисовать карту юга России и её «**украин**», дабы хоть как-то заполнить пустоты образования. Ведь милая и очаровательная студентка сама нимало не

озадачилась, прочтя у Бунина: «...она в холстинковой юбочке и вышитой малороссийской сорочке...». Я прочитал ей коротенькую лекцию по истории России, рассказал, что такое **Малороссия**, а заодно – что такое **Белая Русь, Великая Русь** и **холстинковая юбочка**. Внутренне я бесился, прекрасно понимая, что все наши усилия напрасны, мы с Виктором Ивановичем наперёд знали, что работать барышня ни в какое кино не пойдёт, что она благополучно выйдет замуж, благополучно родит, благополучно же защитит диплом и будет благополучно жить без этого дурацкого кино... Но я, неприятно ощущая, как утекает время, скудно отмеренное расписанием на всех студентов, торопливо и настойчиво пытался пробиться через её лень и безразличие, пробиться **к ней**, где за спокойной красотой внешности должна была быть мятущаяся душа молодой девушки, остановившей нынче свой выбор именно на «Натали». Влопыхах перекачивая свои немногие знания по этой теме, я, в который раз, наивно надеялся пробудить в ней **интерес** к выбранному ею же произведению, **к слову, к изображению, к самой себе...** Её красивое лицо оставалось безмятежным. Заранее зная ответ, я, на всякий случай, почти злобно спросил её, помнит ли она, сколько лет было Бунину, когда он написал этот рассказ? Получив, естественно, отрицательный ответ, я, наконец-то, удивил её, сообщив по секрету, что столь **молодой** рассказ «дядя Бунин» написал, имея всего лишь 71 год от роду, живя уже больше 20 лет вдали от Родины и, видимо, очень скучая по своему воронежскому раздолью.

Нам так и не удалось научить эту студентку **самообучаться** путём кропотливого и самостоятельного изучения материала, путём самокопаний и самоистязаний...

В остальном же наши прогнозы относительно её судьбы полностью сбылись.

* * *

Хочу затронуть ещё одну проблему «буковок», напрямую связанную с изображением, а именно – с грамотностью начертания **шрифта**.

В любом фильме, как и в жизни, вы видите всевозможные буквы на вывесках, лозунгах, объявлениях, афишах, бортах грузовиков и пароходов... В кино они подчас несут главенствующую смысловую нагрузку. И от того, насколько грамотно и точно будет «работать» на экране тот или иной шрифт, иногда зависит смысл и судьба эпизода, а то и фильма.

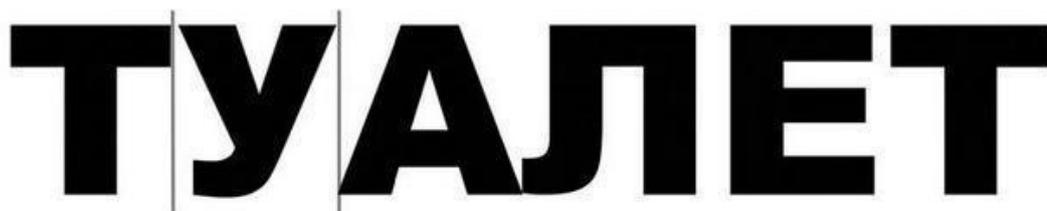
Каждый шрифт должен соответствовать задачам. Вы же не напишете лозунг «Да здравствует 1-е Мая!» готическим или старославянским шрифтом, равно как вряд ли додумаетесь сварганить на православном надгробии эпитафию каким-нибудь «хиппи-шрифтом», заплетая его арабской орнаментикой. Шрифт, как и всё на свете, имеет свои законы. При этом он, как и всё на свете, постоянно меняется, подчиняясь влиянию времени и моды, технологий и... политики. По характеру начертания шрифта можно судить о культуре хозяина вывески на овощной лавке или о прочности политической и военной мощи сверхдержавы. Если, например, забабахать название мультфильма «Ну, погоди!» бронзовой объёмной «Антиквой» на чёрном фоне – станет страшно. Но страшно станет и при виде вывески «Ритуальные услуги», если сделать её шрифтом, заимствованным у киножурнала «Ералаш».

Когда-то в первом классе начальной школы был очень страшный для некоторых первоклашек предмет под названием «Чистописание». На уроках чистописания нас учили по «Прописам» правильному написанию букв в тетрадках, расчерченных плотными косыми линейками. Надо было очень внимательно следить за наклоном букв, ровностью строчек, плавностью соединительных «хвостиков», а также – за соответствующим нажимом пера, с которого всегда норовила соскочить клякса. Немногим удавалось получить заветную «пятёрку». (Моя дочь уже училась в эпоху шариковых ручек и о многих «глупостях» эры перьевых ручек ничего не знает. Исстари профессия писаря была в почёте, и князь Мышкин, как известно, недаром гордился своим каллиграфическим почерком. Нынче этот талант не в ходу). В средней школе на

уроках черчения нас учили правильному, утверждённому ГОСТом, начертанию «чертёжного» шрифта...

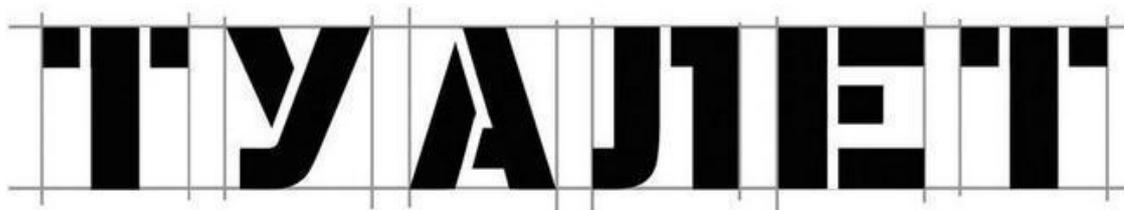
С тех пор искусству шрифта меня учила жизнь. В достопамятную пору училищной младости мы зарабатывали на хлеб и прочее написанием несметного количества лозунгов, в коих перед каждым праздником у любого учреждения была острая нужда. Наша нужда в деньгах вынуждала нас набирать тьму заказов. Мы наловчились писать лозунги безо всякой разметки, подчас вдвоём «гоня» текст с двух сторон, чтобы соблюсти симметрию путём сжимания или растягивания букв в середине лозунга. Перед праздниками мы загодя «сметали» с прилавков аптек и парфюмерных отделов самый дешёвый (4 коп.) «Детский» зубной порошок, который, будучи разведённым на снятом (обезжиренном) молоке или казеиновом клее, был лучшими «белилами» для испещрения километров кумача неприятзательным «брусковым» шрифтом. Надо сказать, что умение писать-рисовать «буковки» неплохо кормило многие поколения студентов. Я, например, учась во ВГИКе, изредка писал всякие объявления о партсобраниях, числясь механиком 7-го разряда на ближайшей от общежития автобазе. Ещё я, числясь, кажется, уборщицей, довольно долго писал объявления аж в самом Центральном выставочном зале, то бишь – Манеже. Кроме того, рисуя иллюстрации в разные журналы, я писал-рисовал и названия рассказов. Но тут меня довольно быстро урезонили, устыдив тем, что я отнимаю хлеб у художников-шрифтовиков. Зато полный карт-бланш я получал, делая книжные обложки, плакаты и почтовые марки. А для одного из своих фильмов меня даже попросили нарисовать титры.

Но, как говорится, «шли годы, смеркалось...» Художники-шрифтовики все вымерли или ушли в управдомы. Почти сбылась мечта Ильича – теперь каждая кухарка может сварганить на своём ПК любую красивую афишку, нимало не задумавшись. Однажды киносудьба свела меня с барышней, гордо назвавшейся дизайнером и уверенно заявившей, что она, кроме всего прочего, обучалась и шрифтовому дизайну. Обрадовавшись и извинившись за задание, я попросил её сделать трафарет для набивания на стене простого слова «ТУАЛЕТ». Она сразу же начала старательно размечать бумагу, и к концу рабочего дня гордо осчастливила меня плодами рук своих. Выглядело это примерно так:

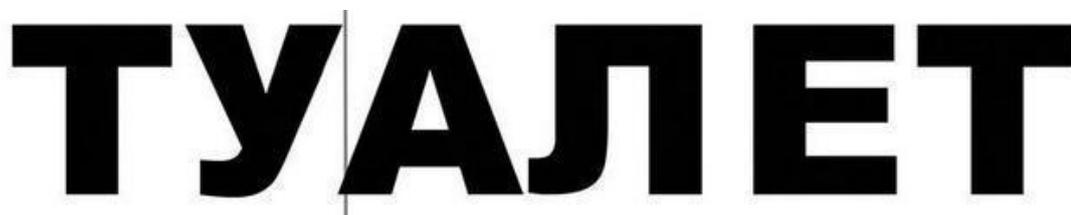
Как видите, старательная барышня-дизайнер поместила все буквы в одинаковые клеточки с одинаковыми же интервалами между ними. Сразу стало ясно, что об архитектонике шрифта девушка имеет смутное представление, а понятие «оптический пробел» ей не знакомо вовсе. Не желая обидеть её, я использовал этот трафарет, рассудив, что в фильме такое написание имеет право быть, но больше не обременял её подобными заданиями.

В старых машинописных текстах все буквы, невзирая на их **индивидуальность**, занимали одинаковое место и располагались чётко друг под другом. Это объясняется техническими особенностями тех машин. Ныне же существует несметное количество разнообразнейших шрифтов, которыми можно пользоваться, «засунув» их в компьютер, который будет достаточно хорошо расставлять буковки по местам, в автоматическом режиме определяя промежутки между буквами. Значит, ребята-разработчики шрифтовых программ немного думали-волновались и об эстетике, и о целостности зрительного восприятия слова. Вот как выглядит то же слово, набранное на компьютере похожим шрифтом:

Очевидно, что **ширина букв различна**, а пробелы кое-где вовсе отсутствуют. Слово выглядит целостнее, так как **оптически** буквы расположены более ритмично, чем у «барышни», сделавшей ширину букв одинаковой, и одинаковыми же сделав пробелы. Поэтому буква «У» у неё визуально «отскочила» от «А», а «Л» и «Е» «прилипли» друг к другу. Компьютер, как видим, справился с задачей лучше, чем старательная барышня-дизайнер.

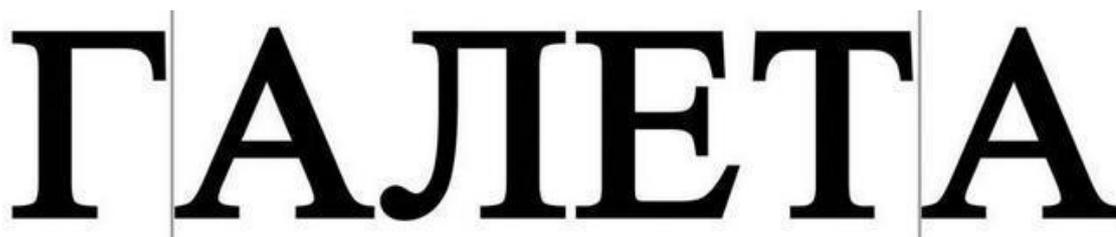
Однако, предлагаю свой вариант, немного изменив в Фотошопе ширину пробелов:

Прищурьтесь, и вы увидите, что **площади пробелов визуально стали более равнозначны**.

А сейчас я напечатаю на этом компьютере слово с «неприятным» соседством букв «Г» и «А», «Т» и «А», и посмотрим, как машина расставит все буквы в слове ГАЛЕТА.

Очевидно, что компьютер с заданием справился не лучшим образом. Возможно потому, что **Word** – не **Photoshop**, и тут не заложены всякие «высокохудожественные» тонкости. Я попробовал набрать то же слово в других, существующих у меня программах. Результат меня не удовлетворил. Вот что выдал **Photoshop**:

Как видите, и в этой программе компьютер просто расставил буквы данного шрифта на равном расстоянии друг от друга. Возможно, уже где-то существуют «умные» программы, способные **различать** буквы и каким-то образом следить за **визуальными пробелами**, но мне они не известны, поэтому я, по старинке, расставляю буквы «на глазок». И никакая машина в этом деле – не помощник.

ГАЛЛЕТА

Относительно недавно, до наступления эры всеобщей компьютеризации, хорошие художники-шрифтовики были востребованы практически везде, особенно – в полиграфии. Иные из них зарабатывали больше живописцев и даже монументалистов, причём, в отличие от последних, им не приходилось «ломать» себя и подстраиваться под дуновение дыхания Власти. **Искусство шрифта – самое чистое из всех видов искусства.**

Ныне, используя в своих «компах» десятки тысяч шрифтов (и зачем их столько?!), мы не задумываемся, что все эти шрифты придумали художники. Например, шрифт **Times**, которым я сейчас набираю эти строчки, был создан художником Стенли Моррисоном в 1931-м году для Лондонской газеты «Таймс», став впоследствии универсальной гарнитурой. Некоторые художники обессмертили свои имена созданием новых шрифтов, которые потом получили названия по фамилиям авторов. Например, есть гарнитуры **Кудряшовская энциклопедическая** и **Словарная Кудряшова**, есть **Банниковская** и **Телингатерская**. Шрифты придумывали многие книжные графики, в том числе наш непревзойдённый В. Фаворский и великий американец Рокуэлл Кент.

Гражданский шрифт, введённый Петром Первым в 1710-м году, по сути, мало изменился и поныне. Лишь отдельные литеры претерпели изменения.

Любой, даже самый, казалось бы, «расхристанный» шрифт имеет свои «железные» законы и жёсткую архитектуру построения. И законы эти надо, как минимум, **понимать**. Будь моя воля, я непременно ввёл бы на нашем факультете – хотя бы факультативно – занятия по «**шрифтовой грамоте**». Для работы в кино такие знания – утверждаю по своему опыту – просто необходимы.

Очень давно, работая над фильмом «Остановился поезд», мы столкнулись с проблемой отсутствия в городе Серпухове (где мы снимали) здания, мало-мальски годящегося для объекта «Гостиница». Проблема оказалась настолько серьёзной, что мы уже отчаялись что-либо придумать. Придумка пришла, как ни странно, не ночью, а ярким солнечным утром. На площади стоял (он цел и поныне, его даже «улучшили») довольно большой «павильон», приспособленный под магазин «Детская обувь», и я обратил на него внимание **в плоскости нашей проблемы**. Здание было смешное, очень **советское**, с колоннами, балюстрадой и арочными окнами, но одноэтажное и какое-то лилипутское. Подумалось: если быстренько сгородить на крыше кусок стены с окнами, «намекнув» этим на **двухэтажность** здания, добавить **вывески** и другие «причиндалы», то домик, пожалуй, может «сканать» за гостиницу. Написал эскизик, чем убедил себя и товарищей в возможности такого решения. Так и сделали, так и сняли.

Вы будете смеяться, но через два года в том же Серпухове (уже для фильма «Парад планет») нам снова понадобилась «гостиница», но ещё ниже рангом – Дом колхозника. Эта задачка оказалась посложней.

Серпухов, магазин «Детская обувь»

Эскиз к фильму «Остановился поезд»

Там, по задумке, герои, переночевав в «Доме колхозника», отправляются из своего полутёмного, но ясного прошлого в светлое, но туманное будущее. Я обнаружил в одном из углов центральной площади (с названием площади могу наврать, но памятник там чудом сохранился) очень замызганный вход в какую-то контору, а рядом – арку-подворотню. Из этого-то угла я и вознамерился сделать объект. Беда была в том, что «полутёмное прошлое» почти весь день освещалось солнцем, а «светлое будущее» было достаточно тёмным из-за деревьев, растущих за аркой. Но отступить было некуда, за нами – как обычно – Москва. Пришлось пошить несколько больших чёрных полотнищ и натянуть их, тем самым пригасив освещение над всем объектом. А до того я по несколько раз в день заезжал на площадь и отмечал по часам время наиболее яркого освещения пространства за аркой. Сейчас с завистью к самому себе – прежнему – вспоминаются времена, когда художник **мог выгадывать состояние освещения**, а потом назначать время съёмки! Ныне про такие «капризы» все давно забыли – «лудят» когда ни попадя. А тогда на один такой коротенький кадр – вышли мужики из двери и куда-то пошли – не жалелось ни сил, ни времени. И задолго до съёмки был, естественно, выбор природы и время написание эскизов. В этом эскизе я практически (почти с натуры) нарисовал всё, как там было. Добавил только, конечно же, вывеску и другие мелочи, придумал лужу, как очень характерную деталь нашей провинции, «притащил» остов ржавого автомобиля, как некий образ безысходности, «повесил» вечно горящую лампочку и «приподнял» статус захолустья дурачками, грязными рекламными стендами о пользе мяса кроликов и «птицы». Эскиз получился настолько убедительным, что ни у кого не возникло и тени сомнения в необходимости этого

объекта именно в таком виде. Хочется похвалиться, что Вадим Юсупович Абдрашитов забрал в экспедицию несколько эскизов и расставил их у себя в гостиничном номере, надеюсь, для душевного настроения. А наш любимый оператор Владимир Карлович Шевчик однажды поздним вечером, встретив меня в коридоре гостиницы, заволоч к себе в номер со словами: «Надо посоветоваться». Оказалось, что он выпросил на время у Абдрашитова этот эскиз и внимательно его изучал.

Эскиз к фильму «Парад планет»

– Тебе хорошо, – сказал он. – Нарисовал, и доволен. А мне-то как **так** снять?

– Володь, – попытался успокоить я его. – Сообразим как-нибудь совместными усилиями.

И ведь сообразили! И сняли! И не абы как, а хорошо сняли. И ещё, скажите на милость, – где, когда, какой **ещё** режиссёр держал в своей гостиничной «камере» эскизы художника «для настроения» и какой ещё оператор взирал на те же картинки по ночам, думая о своём, «девичьем»?!

Когда я изготовил и повесил вывеску, члены группы, не видевшие эскиза, подходили ко мне со словами: «У тебя буква «О» упала».

– Это не у меня упала, – отвечал я. – Это у **них** упала. Я сам, честное слово, видел, что у **них** на одном мебельном магазине буква «М» совсем отвалилась, и ничего. Месяца три никто не «чесался».

Ещё один эскиз «с буквами» для того же «Парада планет». Такого объекта не было в сценарии, нет его и в фильме. Однако когда я повесил и его в кабинете Абдрашитова, Вадим Юсупович минут пять смотрел на него, а потом спокойно изрёк:

«Вот об **этом** наша картина». По-моему – высшая похвала.

Эскиз к фильму «Парад планет»

Не знаю, что подвигло меня на написание этого эскиза. В сценарии мельком было сказано, что герои, чтобы убить время, зашли в кинотеатр. И всё. На эскизе – реально существующий и поныне Серпуховской драмтеатр. Что мне тогда «мерещилось», не знаю, но приземлённость мерцающего в предрассветных сумерках странного здания и – контрапунктом – высокий, уже освещённый солнцем, инверсионный след самолёта... Что-то в этом было. Не знаю **что**, но было что-то щемящее... Я этого не видел. Я это придумал. Потом придумался какой-то ранний дворник, равнодушно делающий свою опостылевшую «приземлённую» работу... Дворник у меня никак не хотел мести этот гнусный асфальт, и, в конце концов, сам, почти без моего участия, бросил эту чёртову метлу. Я лишь помог ему одеться во что-то лётно-военное, явно с чужого плеча. И этот слегка опустившийся человек тупо воззрился в небо... Это я сейчас (тоже, кстати, на рассвете) так длинно и «красиво живописую», тогда же сделал эту картинку довольно быстро (за ночь) и, как помнится, не шибко задумываясь. И – что правда, то правда – слово «Дружба» возникло как-то само по себе на этом странном фронтоне и возымело здесь совершенно определённый смысл.

Случайно нашёл плохонькую фотокарточку-контрольку, сделанную Валерой Кречетом в 1971-м году на картине «Пришёл солдат с фронта». Под ней можно сделать подпись: **Сам играю, сам пишу**. Этот лозунг на вагоне, как и другие, которыми мы оформили поезд с воз-

вращающимися домой солдатами-победителями, написал я. А потом Николай Губенко, полусуто, сказал мне примерно следующее:

– Я боюсь, что Элик (оператор Элизбар Караваев) сильно заволнуется, когда кто-то будет обнимать его молодую жену. Ещё камера, не дай Бог, задрожит. Сыграй ты.

Вот мы с Наташей Бондарчук и сыграли этот микроскопический эпизод.

Но это воспоминание, как вы понимаете, тоже на тему «буковок».

Почти кадр из фильма «Пришёл солдат с фронта»

Нынче народ всё больше куда-то спешит, торопится, часто не обращая внимания, а иногда и вовсе не видя того, что его не касается конкретно. Теперь уже вряд ли кто скажет: «У тебя буква «О» упала». Изготавливая для кино всевозможные вывески и плакаты, я иногда шучу для самого себя и для особо наблюдательных товарищей. Совсем недавно, работая над шестнадцатисерийным телефильмом «Шпана замоскворецкая» (второе название «У каждого своя война») с режиссёром Зиновием Александровичем Ройзманом, я пошутил, «вплетя» его имя-фамилию в восьмиметровую(!) вывеску:

Компьютерная заготовка для изготовления вывески

Шутка предназначалась конкретно для режиссёра, и он её заметил и оценил. Он вообще – человек замечательный. Замечает абсолютно всё. Работа такая. Меня он всегда радовал тем, что замечал и **отмечал** в декорациях мельчайшие нюансы и старался их **обыграть**, с завидной лёгкостью и талантом переписывая под них куски сценария и «играючи» перестраивая любые мизансцены. А иной раз даже пугал своей наблюдательностью.

Такой вот наблюдательный и **замечательный** человек. **Режиссёр.**

Кроме Зиновия, шутку больше не увидел никто, несмотря на достаточно большой размер букв. Оно и понятно – люди настолько привыкли к перенасыщенности «окружающей среды» буквами, что часто совсем не видят их. Кто ж их читает – разные аббревиатуры и «служебные» надписи!? Укрупню для вас, чтоб понятней было.

Это всё безобидные и безвредные шутки. Шутки, так сказать, внутреннего пользования, рассчитанные на то, что зритель на экране их не прочтёт – мелко очень. «Назначить» на табличке в магазине ответственным за санитарное состояние дорогого директора или назвать, например, колхоз именем любимой продюсерши – «святое дело».

Деталь вывески

В советские времена в любых общественных местах висели солидные таблички, сделанные на стекле: «НЕ КУРИТЬ, НЕ СОРИТЬ», «СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ» и «УВАЖАЙТЕ ТРУД УБОРЩИЦ». Я недавно пошутил – повесил в объекте «Магазин», среди прочих, очень убедительную – золотыми буквами по бордовому фону – табличку: «**УВАЖАЙТЕ ТРУД ХУДОЖНИКА!**» Не заметил никто.

Но вот один мой коллега зафигачил огромную рукотворную орясину, где в две строки было написано: **АГЕНСТВО НЕДВИЖИМОСТИ.**

Подивившись такой грамматике, я спросил, не комедию ли они снимают. Оказалось, что снимают «мыло», где пресловутое «АГЕНСТВО» выступает в «главной роли», вывеску видели и одобрили режиссёр с оператором, но она ещё не снималась. Так что, я подоспел к этим «грамотеям» вовремя. А может – зря? Ну, заметили б, кроме меня, ещё миллиона 3–4 зрителей... И что? В кино ведь почти всегда можно «отбрехаться», что «так задумано», что это не авторы, а персонажи выдали «лажу».

Посложнее дело обстоит с устной речью. Тут, если что «ляпнул», то – надолго. А в литературе – вовсе беда: ежели допустил огрех – не отмоешься. Помнится, в своей книжонке «Как делать стихи» В.В.Маяковский писал, что надо следить за **звучанием** слов, приведя в качестве примера не самую удачную строчку из стихотворного сборника, выпущенного великим Валерием Брюсовым: «Мы – ветераны, мучат нас раны». А по-своему целомудренная советская поэтесса Вера Инбер, книжек стихов которой я не встречал уже лет 40, врезалась в память народа (который её не читал) и стала бессмертной даже не из-за строчки «Сруби лихую голову» в поэме «Степан Разин», выпущенной ещё году в 25-м, а лишь благодаря едкой эпиграмме, написанной будто бы Маяковским на поэтессу, которая «прозевала» звуковую «лажу» в этой строчке. Можете убедиться, открыв Интернет, – зубоскальство не утихает и по сию пору. Признаться, я тоже сначала когда-то услышал эпиграмму, а уж потом купил сборник стихов, увидев на обложке знакомую «смешную» фамилию.

Друзья! Старайтесь меньше допускать ошибок. Они вас всё равно найдут, ибо... Дальше можно привести ряд пословиц, посвящённых ошибкам. Будьте внимательны и требовательны к себе и в дальнейшем к своим подчинённым.

Мне, например, приходится постоянно таскать хвост своих и чужих «грехов», когда я чересчур доверчив и неосмотрителен.

Друзья, не забывайте о **ЦЕНЕ СЛОВА**. Во всех смыслах...

Натура – дура, художник – молодец

Эта некогда расхожая среди художников шутка никак не подходит к задачам художника кино. Если станковист, живописуя кистями на холсте портрет или натюрморт, может и имеет полное право исказить натуру до неузнаваемости, говоря: «А я так вижу!», то все труды художника (и даже артистов!) кино фиксируются посредством разных инструментов, одним из которых является ОБЪЕКТИВ. Всё искусство кино зависит от этих дорогостоящих стекляшек, их светосилы, фокусного расстояния, глубины резкости и т. д. Объектив, он и есть **объектив**, ибо ОБЪЕКТИВНО передаёт то, что попало в его поле зрения. И не учитывать (тем более – не понимать!) свойства того или иного объектива художник кино не имеет права.

Бог мой, сколько сил и времени приходится потратить на студентов, прежде чем они мало-мальски научатся видеть мир «киношным» зрением.

Хочу рассказать о НАТУРЕ, которая является, собственно, ОСНОВОЙ КИНО.

Художник, едва начав читать сценарий, обязан видеть картинки, и чем ярче они будут вспыхивать в его сознании и прочем подсознании, тем лучше. Всякий читатель «видит» свои картинки, но именно от тебя ждут картинок будущего фильма, поначалу хотя бы на словах. Вот тебе начало что-то мерещиться, скажут какие-то воспоминания, бред в башку лезет... Часто мерещится что-то гениальное во сне, как Менделееву «евонная» таблица. Но не торопись рисовать-фиксировать все эти «глюки», потому что это может быть тупиковым путём, и «разворачивать оглобли» впоследствии будет трудно. Должно возникнуть желание и необходимость встречи с Её Величеством НАТУРОЙ.

Натура – это всё. В зависимости от сюжета – моря и пустыни, дворцы и хижины, чердаки и подвалы, рестораны и сортиры, самолёты и поезда... Короче – жизнь. Но жизнь, ограниченная сюжетом сценария и бюджетом проекта. Поэтому, будь любезен, если ты профессионал, поугомони свои фантазии и поищи натуру поближе и подешевле. Начинаешь вспоминать разные города и веси, где бывал, обзванивать друзей и знакомых, шарить в географических картах, путеводителях и прочих интернетах...

Наконец, решение принято, и вы едете (летите) в некий город с надеждой на восторги, которые обычно не случаются.

Выбор природы – счастливая пора, начало творчества, ощущение свободы и ответственности одновременно. Ты, как щенок, спущенный с поводка, радостно носишься по поляне, тем не менее не забегая за границы дозволенного хозяином пространства.

Во времена развитого социализма и планового хозяйства на выбор природы обычно ехали: режиссёр, оператор, художник (иногда – 2-й режиссёр) плюс администратор, который выезжал заранее и готовил «почву» – гостиницу, транспорт, встречи с местными начальниками и прочими туземцами. Ныне же, к сожалению, чаще всего едут художник и администратор, он же – шофер, если цель путешествия не за 1000 вёрст. Иногда подключается режиссёр и совсем редко – оператор. И называется теперь выбор природы на «мериканьский» манер – «локейшн».

А однажды меня и вовсе в тупик поставили, сказав, что я еду заниматься «скаутингом». Но я, когда-то получивший по недоразумению «пятерку» по английскому на госэкзамене во ВГИКе, быстро «допёр», что еду заниматься **разведчеством**. Вообще-то, ничего нового. Ещё Н.К. Крупская, выступая в 1921-м году с идеей создания детской коммунистической организации, назвала свой доклад, по-моему, ещё более коряво: «О бойскаутизме». Так что, я – **пионер**! А «локейшном» мы потом все вместе займемся, когда я предложу наилучшие варианты своих «скаутингских» усилий. Век живи...

Стоит сказать, что такой подход, судя по всему, правилен, ибо кто, как не художник, должен быть первым в этом деле. Кроме того (не смейтесь), редкий оператор имеет фотоаппарат и вообще умеет фотографировать как надо – другое видение.

Отбор и **должное** фотографирование природы – отдельная тема, и рассказать об этом необходимо.

Когда-то, когда я был совсем «зелёным», меня удивляло и возмущало, что едут «творцы» на выбор природы и никто-никто не интересуется, кто же будет фиксировать эту пресловутую природу на плёнку? Кто отвечает за то, что мы привезём из поездки **нормальные** негативы и что время и деньги потрачены не зря. По молодости я думал, что это – прямая забота оператора, а уж то, что и у меня есть плохонький «Зенит-ЗМ» – мой личный «довесок». Отнюдь. В некоторых съёмочных группах, где никто из «творцов» не имел фотоаппарата, была практика возить с собой художника-фотографа, чего я никак не понимал. Однажды я взял с собой в поездку по ближайшему Подмосковью нашего замечательного фотографа, моего друга, Валеру Кречета. И зарекся больше этого не делать. Во-первых, в машине стало тесно; во-вторых, я каждую минуту подзывал его к себе (а ему топтаться по колену в снегу в легких туфлях не очень хотелось) и указывал на объект съёмки, а он скулил, что плёнки мало, и для выбора природы её ему не выдавали; в-третьих, получив фотографии, я с трудом узнавал объекты... Поэтому, не один десяток лет я всё снимаю сам, и среди многих сотен тысяч снимков не только всегда узнаю свой, но и расскажу, что происходило вокруг и кто был за кадром.

Надо сказать, что теперь во многих группах есть «казённые» цифровые «мельницы». Но выбирать с ними природу – сущее наказание. Главнейший их недостаток – «тугодумье». Уговорить или заставить продюсеров потратиться на хороший фотоаппарат невозможно. Я покупал себе ежегодно по новой «мельнице», пока, разозлясь и сказав себе – не гонялся бы ты, поп, за дешевизной, – не потратился лет 6–7 назад на зеркальный «Nikon» D-80. До сих пор он меня вполне устраивает, и я не унижаюсь, выпрашивая в группе аппарат, который, обычно всегда занят для фотопроб актёров.

Хороший инструмент необходим в любом деле.

Конечно же, вам теперь, думаю, и представить невозможно, как можно выбрать природу без цифровой аппаратуры.

А когда-то я выпрашивал в мосфильмовском фотоцехе ролик случайной черно-белой «КН-2» или «КН-3» (или покупал у друзей-журналистов высокочувствительную и почти секретную «А-2») и заряжал под тонким гостиничным одеялом кассеты. После каждой поездки их набиралось штук по 15–20. Я сдавал их в фотоцех, где плёнку безответственно проявляли, чаще всего (для скорости) в бумажном проявителе, и выдавали мне чудовищного вида негативы, ссылаясь на то, что я ставил неправильную экспозицию. Потом я с лупой ломал глаза над этими негативами, выбирая достойные для печати фотографии, которые тоже печатались лаборантами абы как на просроченной бумаге и проявлялись сразу кучей. Борьба с этим было невозможно. Одному Богу известно, как нам все-таки удавалось разбираться в этом хламе. Ведь часто, глядя на фотографию, помнишь, как снимал, но что это и в каком городе – застрели, не помнишь. Вот так, почти «вслепую», и работали. И ведь неплохо работали, хотя в головах у нас часто была какая-то каша из впечатлений. Зато потом мы почти всегда ездили на утверждение отобранной природы и заново удивлялись и радовались. Или разочаровывались. Однажды, например, вернувшись на утверждение отобранной природы в Серпухов, мы пришли в ужас от его вида – весь город был выкрашен в конфетно-розовый цвет. Главный архитектор города объяснил, что им по весне прислали шесть(!) железнодорожных цистерн только этой краски, и они «освежили» город к 1-му Мая. Пришлось впопыхах заново искать природу.

Кстати, ещё **одна привычная для нас** особенность выбора природы в те времена: кино давно снималось на цветную плёнку, мы же фотографировали на случайную ч/б, поэтому иногда для памяти я записывал в блокнот цвет стен или обоев.

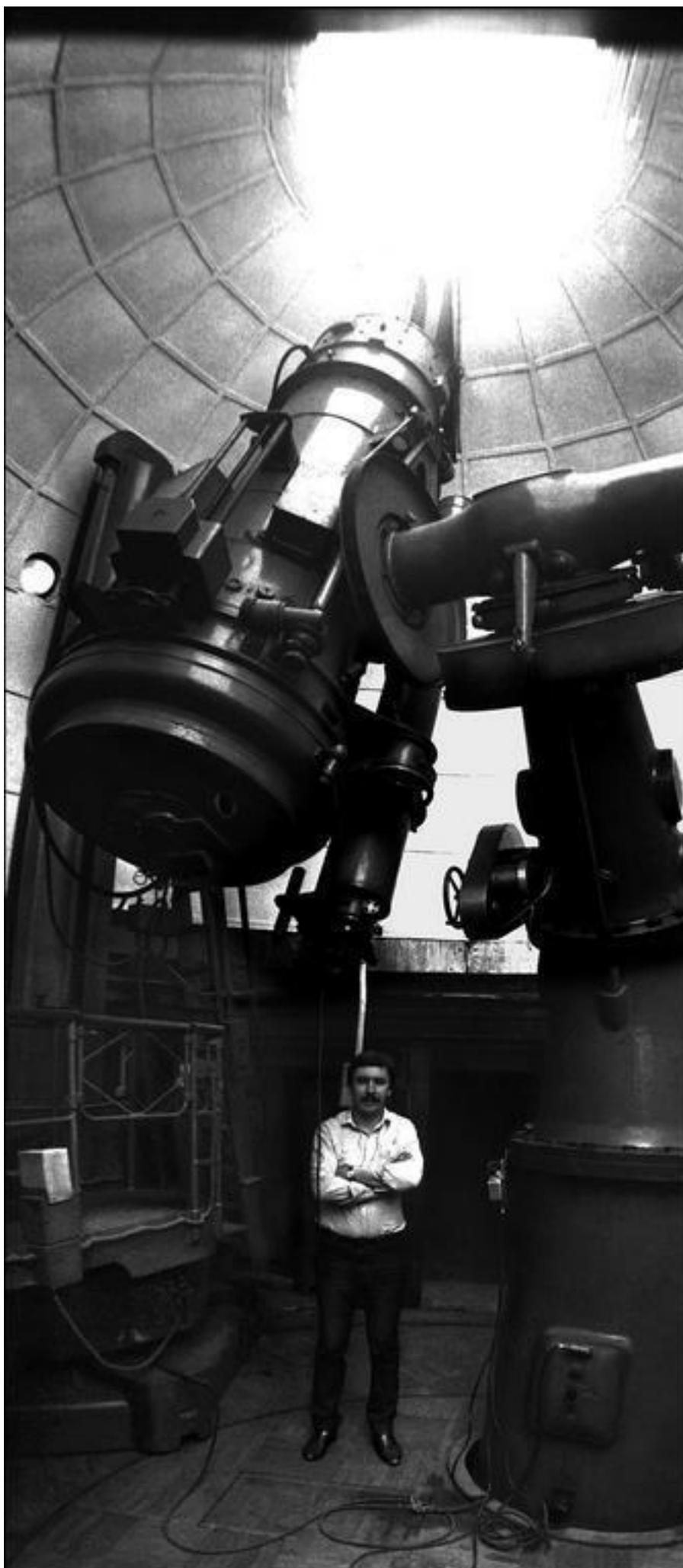
Был в те времена прекрасный и неприхотливый фотоаппарат «Горизонт», который поймаешь в продаже было невозможно. Его особенность заключалась в поворачивающемся – панорамирующем – объективе, имеющем весьма широкий угол обзора. При коротком фокусном

расстоянии у него, естественно, была хорошая глубина резкости. Для меня он оказался незаменимым при съёмке интерьеров. Я и сейчас с удовольствием купил бы его, но **наши** продали патент, говорят, **англичанам**, и теперь «Горизонт» – раритет. Возможности его видны, например, на фотографии, сделанной под тесным куполом обсерватории для «Парада планет». Заметьте, никакой вспышки или специального освещения нет, но широта разрешения для наших задач достаточная. (Здесь я отрезал ещё метра два пола по переднему плану). В круглой башне нет никаких «точек отхода», и другим аппаратом такую фотографию сделать было невозможно. Теперь любые панорамы я «склеиваю» в специальной компьютерной программе. А тогда, спасибо друзьям, у меня иногда бывал спаситель-«Горизонт».

Для масштаба я обычно ставлю человека, и Вадим Юсупович Абдрашитов всегда безропотно исполнял роль «мерила». Ведь человек, как известно, – есть мерило всего сущего.

Темы выбора природы я касаюсь и в других письмах. Для каждой картины – свой метод, способ, подход, свои особенности. Невозможно написать некое **«Методическое пособие по выбору природы для художественных фильмов»**. Расскажу здесь о нескольких случаях из моей практики.

Нет, прежде, думаю, я обязан рассказать вам о тех качествах, коими, на мой взгляд, весьма желательно обладать художнику, **выбирающему природу**.

В обсерватории

Не надейтесь, что кто-то о чём-то договорился, и вы едете только смотреть и оценивать. Не думайте, что кто-то предложит вам хороший вариант – такое случается крайне редко. Будьте настойчивы в своих предложениях и поисках, «заражайте» своей заинтересованностью и неуговорчивостью окружающих. Не стесняйтесь расспрашивать людей обо всём, что **им** интересно, при этом «выуживая» информацию, которая, возможно, пригодится вам. Помните, что никто нигде вас не ждёт, и никто не понимает, чего вы хотите. Поэтому, будьте благожелательны к людям, исключительно вежливы и нахальны. Знайте, что **любому** человеку легче и удобней вам отказать, чем пустить вас куда-либо и заниматься вами. Всем **им**, включая вашу же администрацию, **это не нужно, это нужно только вам**. Любой сторож с огромным удовольствием будет вас «отфутболивать» к начальству, которое придёт завтра или не появится никогда. Вам, показывая свою власть, будут запрещать фотографировать, заглядывать за угол или заходить в туалет. Постарайтесь понять ситуацию, «влезть в шкуру» **запрещающего и искренне ему посочувствовать**.

Совсем недавно, для телефильма «У каждого своя война», мы искали сахарный завод 1950-х годов. Занятие заведомо бесперспективное – слишком изменились технологии. Мы ломали головы над альтернативами сахарному заводу. Не забывайте, что ради одного объекта мы не могли поехать в какой-нибудь Сыктывкар. Непременнo надо найти в тех городах, в которых мы будем работать – Москва, Ярославль, Переславль-Залесский. Всё. Нигде ничего подходящего не было. Я осмотрел законсервированный мукомольный завод, и всё было бы почти хорошо, если бы он работал. «Оживить» его у нас не хватило бы **всех** денег, отпущенных на сериал. В Переславле мы осмотрели «мёртвый» сыроваренный комбинат. Но, даже если «закрывать глаза» на его оборудование и конвейерную линию середины 1960-х годов, у нас не хватило бы средств на то, чтобы всё это включить и обогреть. Положение наше становилось критическим. Совершенно случайно мы узнали, что в Ярославле есть старинная фабрика по изготовлению... **валяной обуви**. Это никак не вязалось с нашей героиней – «сладкой женщиной». По сюжету наша героиня выручает подругу, укравшую пару килограммов сахара для голодных детей.

Надеюсь, режиссёр – он же один из авторов сценария – Зиновий Ройзман простит моё мелкое бахвальство, но это я заверещал, что валенки лучше, чем сахар, что пусть та тётка украдёт для ребёнка валенки, потому что ему не в чем ходить в школу, что **стремление к знаниям** лучше желания пить чай с сахаром, что **по фактурам** такого ещё не было, что мы видели в кино всё что угодно, но **до промышленного производства валенок ни один сценарист не додумался**. И мы поехали на фабрику.

Начальник охраны был рад показать нам... свою значимость и никак не хотел пускать нас на стратегически важный объект. Да-да, не удивляйтесь. Именно – стратегический объект – ведь они обувают Армию! И немножко – милицию. А розница – это какие-нибудь жалкие полпроцента от всего производства. Была пятница, начальство уже «свинтило» с объекта, суббота-воскресенье у него – у начальства – законные выходные. Не судьба. И мы понуро направили стопы в сторону наших машин. Но это был манёвр. Я вприпрыжку вернулся на проходную и, извиняясь и заикаясь, попросился в туалет. Начальник ещё не успел уйти в свой кабинет и милостиво велел охраннику проводить меня. Вернувшись на проходную, я заметил, что начальник заметно подобрел, он даже сочувственно улыбнулся. Я откликнулся на улыбку, поблагодарил, пожаловался на погоду, на изменившиеся времена, на сволочей-продюсеров, зажавших нас в жёсткие сроки. И пока он, от нечего делать, слушал меня, рассказал ему, что изготовление валенок, конечно, интересно, но нам нужен сахарный завод, а на валенки так, одним только глазком бы взглянуть, на всякий случай. Походя, обратил внимание на его замечательные валенки, облитые снизу резиной, и, позавидовав, спросил, где можно такие купить.

Начальнику было лет сорок, он явно тяготился своей работой, и ему надоело «надувать щёки». Разговорились, и он согласился устроить мне беглую экскурсию. «Но без фотоаппарата!», – спохватился он. Я легко согласился, но тут же «закручинился» – без режиссёра не смогу принять решения. Отступать ему было некуда. «Ладно, но только одного режиссёра», – благоволил он. Я замахал рукой заждавшимся меня товарищам, показывая один палец. Зиновий Александрович мгновенно всё понял и вмиг оказался в проходной.

Нам хватило десятиминутной экскурсии, чтобы понять, что это – наше. Станки 30-х годов с ременными передачами(!), пар, смрад, едкий запах кислоты, вороха шерсти, сотни и сотни валенок в работе... Мы совершенно искренне восторгались и удивлялись, что явно льстило начальнику. Мы узнали его имя-отчество и стали расспрашивать о производстве. Оказалось, что народ работает в этих условиях по 3 часа в день. Продолжив разговор на улице, мы узнали много интересного, а ему явно было приятно показать себя осведомлённым и эрудированным. Потом мы с Зиновием Александровичем пожаловались, что в кино стало невозможно работать, что слово «Мосфильм» теперь не открывает двери, а лишь пробуждает в людях алчные желания, что для того, чтобы убедить продюсеров, от которых мы с потрохами зависим, нам нужно буквально 2 (две) – не более – фотографии... «Но только две!», – сказал начальник и вновь повёл меня в цех. Я прыгал и отбегал от него, беспрестанно щёлкая затвором. (Кстати, никакой «мыльницей» я не смог бы снять так много и так быстро). Начальник, на удивление, меня не останавливал, и я, щадя его терпение и самолюбие, остановился сам, переводя дыхание в жарком и влажном цеху. Начальник снисходительно улыбался.

Так делают валенки

За короткое время я успел сделать 53 снимка!

Имя-отчество начальника я помню по сей день. Хороший мужик оказался. Просто работа у него такая. И задачи у нас с ним разные. Но мы отнеслись друг к другу с пониманием и остались довольны и собой, и друг другом. А чего ж ещё надо!?

На съёмках этого объекта я не был – готовил следующий. По словам режиссёра и моих декораторов всё там получилось хорошо.

* * *

Честное слово, я вспомнил эту историю сейчас случайно. Просто написал про «запрещающего» и вспомнил. В чём-то мы сродни пресловутым «папарацци» – добываем нужную нам информацию любыми путями. Но, в отличие от них, я никогда не был назойлив и бестактен, единственное, в чём всё-таки обманул несколько бдительных старушек, так это в том, что 2–3 раза в жизни фотографировал украдкой. Им от этого убыли не было никакой, напротив,

я постарался тем самым сберечь их здоровье. Дело в том, что в людях старшего поколения прочно сидит благоприобретённый страх перед фотоаппаратом. Иногда бодрый старичок при виде человека, нацелившего объектив на непонятный для него объект, начинает брызгать слюной и непроизвольно скрести полу засаленного пиджака в поисках несуществующей кобуры. Они прочно привыкли к **порядку**, и любые, как им кажется, «вольности» приводят их к неизлечимым болезням. Сотни раз нам приходилось подглядывать в забитые окна и перелезать через заборы, наводя панику на свидетелей. А как иначе? Ведь очень часто нам надо попасть именно туда, где всё закрыто-забито, а хозяев с собаками не сыщешь. Иногда ребята фотографировали меня в таком интересном положении, поэтому, чтобы не быть голословным, подтверждаю фотодокументами из личного архива всяких глупостей и «приколов».

Выбор природы. (Вариант № 1)

Надеюсь, милые барышни, вам-то не придётся совершать такие некрасивые поступки. Но лезть на чердак или на крышу дома, протискиваясь через слуховое окно и перепачкавшись голубиным помётом, может быть, придётся. На «Плюмбуме», например, даже автора сценария, придумавшего всё это, мы затащили на крышу, как он ни сопротивлялся. И от «романтики» гнилых и тёмных подвалов никто не застрахован.

Когда вы поступали во ВГИК, вас об этом никто не проинформировал. Так что, надеюсь, хоть в этом я буду первым.

Ещё один бич – застенчивость. Я изживал её с таким же трудом, с каким Чехов «выдавливал из себя раба».

Честное слово, это очень трудно – научиться делать что-то, не обращая никакого внимания на окружающих.

Выбор натуры. (Вариант № 2)

Так же трудно приучить себя к непредвиденным, но необходимым контактам с людьми, которых ты просто обязан мгновенно к себе расположить и увлечь разговором. Несмотря ни на

что. Здесь надо уметь настроить себя на определённый «кураж», и с «кислым» или «постным» выражением лица к людям лучше не соваться – всё дело можешь испортить.

На верхней фотографии – Одесса-мама. Я, в поисках подходящего интерьера, бессовестно пытаюсь заглянуть в чужое, без признаков жизни окно. Не искать же всяких начальников и хозяев, чтобы убедиться, что это – не то!

На правом фото – поиск «заброшенной» дачи по кинокартине «Плюмбум».

В письме «Созвездие Быка на карте Родины» я подробно описал ещё три варианта выбора природы. Чудом оставшись в живых, теперь «графоманствую» на эту тему.

По картине «Армавир» мы придумали выбирать городскую природу на велосипедах. В маленьком и уютном Геленджике такой транспорт оказался оптимальным.

Тем более, что прямо у дверей гостиницы был пункт проката велосипедов. На машине там не везде проедешь, не везде остановишься. Опять же – говорят, для здоровья велосипед полезней.

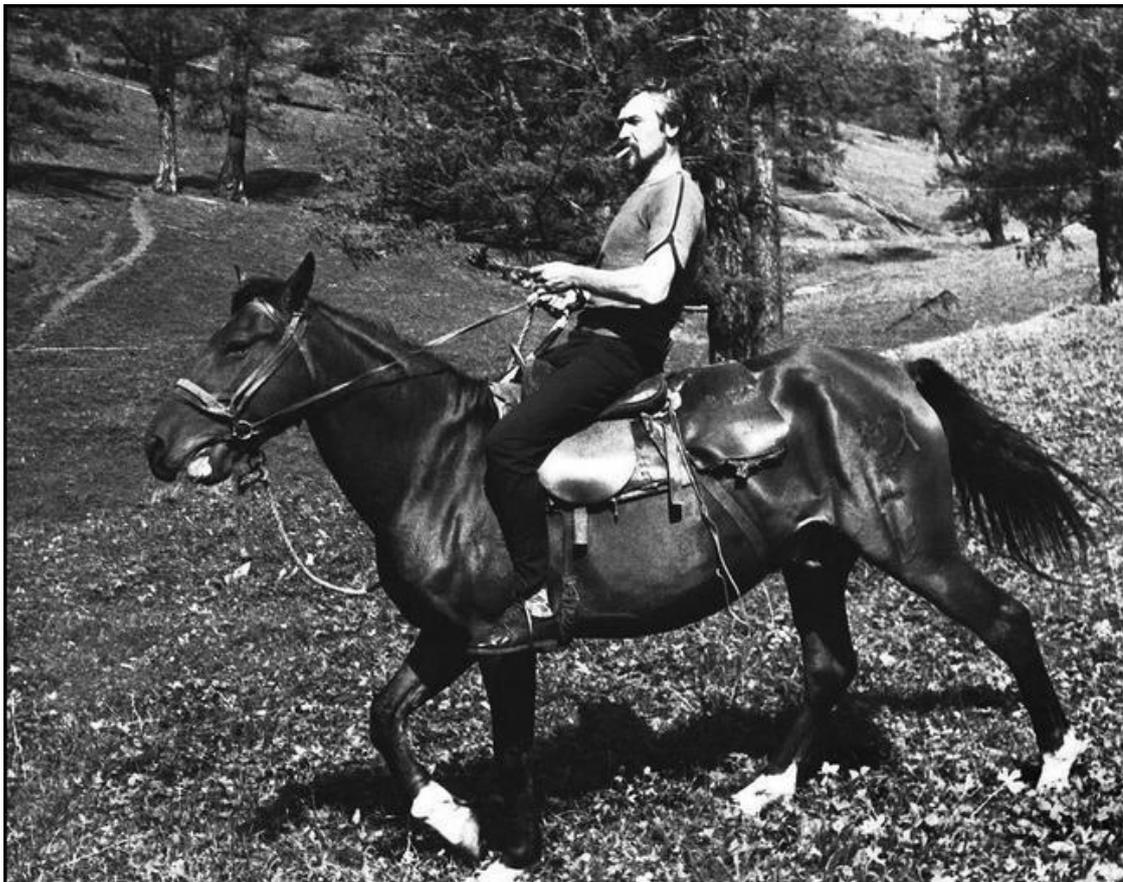

Выбор природы. (Вариант № 3)

А вот нашёл ещё вариант – верхом на коне. Но после коня самому потом довольно долго трудно ходить. Поэтому не рекомендую. Особенно барышням.

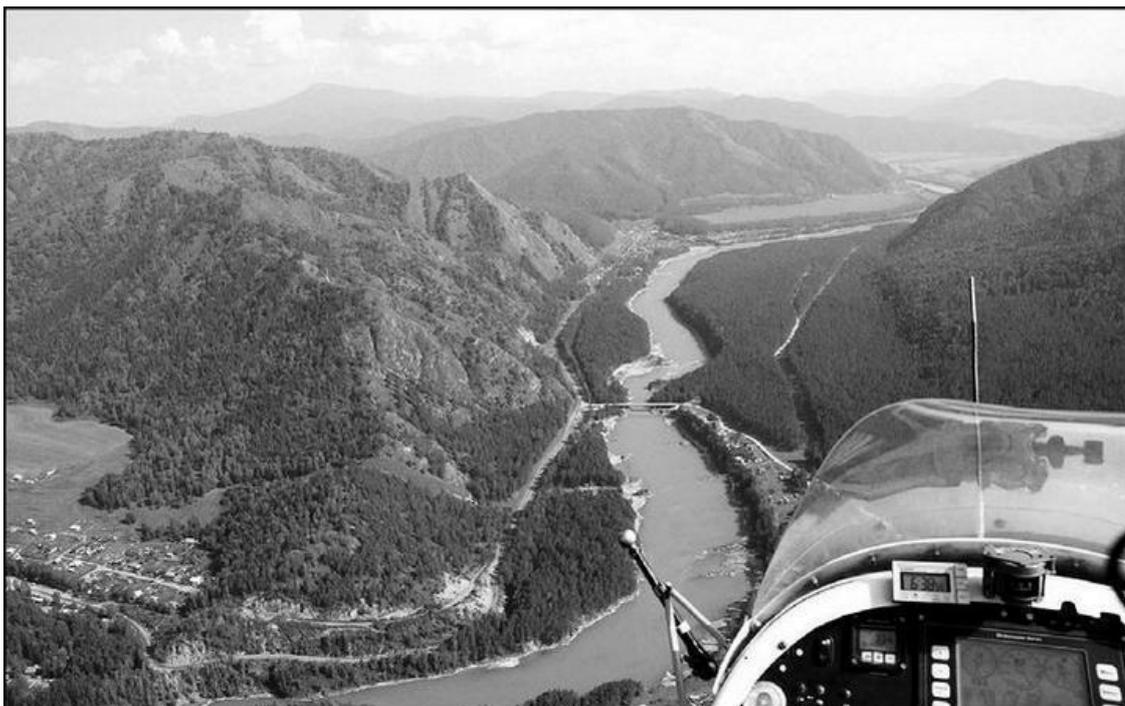
Но конь – это архаика, ставшая экзотикой, редко ныне используемой. А вот мотаться в лютую стужу по степям-полям или по заснеженной реке на «Буране» приходилось чаще. При этом, сидя враскоряку на заднем сиденье, держишь охапку веховых кольев, которые на

ходу втыкаешь в снег, отмечая путь будущим бульдозерам. Бывало – вываливался. Барахтался беспомощно по грудь в снегу, ожидая разворачивающегося «буранщика».

Выбор природы. (Вариант № 4)

Но я и представить себе не мог, что придётся выбирать природу на автожире. Знаете, что это такое? Это мотороллер с двумя пропеллерами. Один – хилая, не внушающая доверия алюминиевая доска – крутится над головой и держит тебя, а заодно и машину с пилотом, в воздухе, другой – сзади – рулит. Представляете? Я, без «лекарства от страха» никогда не летавший даже на сверхкомфортабельных лайнерах, почти бесстрашно уселся за спиной «автожирщика» и взмыл в небо (без какого бы то ни было лекарства) на этой безнадежно ненадежной конструкции, у которой даже крыльев нет!

Выбор природы. (Вариант № 5)

И толкнуло меня на сей подвиг только одно – **интересы дела!** Можно было, конечно, дня два мотаться по серпантинам горных дорог (что тоже небезопасно), но поджимало время. Жаль, никто не запечатлел мой подвиг для потомства! Посему – довольствуйтесь снимком, сделанным мной с отсутствующего борта сего летательного аппарата. Это Катунь под нами. А ощущения и впечатления, поверьте, необычные и незабываемые. И ничуть не страшно. Когда делом занят.

Выбор природы. (Вариант № 6)

Две следующие фотки сделаны в 2007-м. Между ними – полгода. Первая снята в начале марта по картине «Живи и помни», вторая – в августе для телесериала «Две судьбы-3». На первой – Нижегородская область, пейзаж с замёрзшей Ветлугой, на второй – Горно-Алтайская АО, пейзаж с неугомонной Катунью. Разные пейзажи, разные времена года, разные фильмы. Но есть одно, объединяющее их, начало.

Выбор природы. (Вариант № 7)

Оба пейзажа есть в фильмах, значит, поиск был не напрасным. Но – главное в данном рассказе – **оба пейзажа найдены «на своих двоих»**. Да, очень часто лучшим транспортным средством являются собственные ноги. Причём, как видите, в первом случае даже они «буксуют». Это потом мы прочистили тропки-дорожки для группы и даже обустроили места для буфета и «антибуфета», но сам поиск происходит исключительно на любопытстве и энтузиазме. И если вы, очертя голову, не попрётесь в буераки или на гору, никто вас не заставит туда лезть, и вы со спокойной совестью сможете доложить режиссёру, что ничего не нашли. Только ваша неуспокоенность, ваша внутренняя ответственность и, если хотите, ваш профессионализм помогли вам и только вам **обнаружить эти места**, а затем повлечь туда всю группу, которая всегда с большим нежеланием тащит на себе аппаратуру и прочий скарб. Потом, забыв трудности и собственный «скулёж», группа с восторгом озирается, соглашается, что, да, труды были не напрасны и что хорошая картинка, как правило, должна быть **выстрадана**. Причём, необходимость этого «героизма» продиктована вовсе не капризом мазохиста-художника, но **требованиями темы и прихотью Её Величества Природы**.

* * *

По картине «Слуга» мы очень долго искали место для строительства дома главного героя, но всё безрезультатно. Там были свои задачи, которые по тем временам являлись неразрешимыми. Это сейчас тьма домов и замков с участками сумасшедших размеров. А тогда, даже в самых привилегированных дачных поселках, было как-то всё очень «забытовлено». Короче,

в подмосковных, как сказали бы нынче, VIP-поселках мы ничего не нашли, а уж под Рязанью или Липецком и вовсе «ловить» нечего. Поэтому, созвонившись с другом-однокурсником Романом Адамовичем, рванули в Киев. Облазив совминовские и цековские (слова понятны?) посёлки под Киевом, ничего не найдя и там, находясь в некотором отчаянии от сопротивления материала, мы двинулись в Минск.

Упомяну еще об одной особенности выбора натуры. Особенность эта естественна для нашей климатической зоны. Сложность в том, что, как правило, летние объекты приходится выбирать зимой, а зимние – летом. И надо обладать изрядным опытом, талантом и фантазией, чтобы угадать в заснеженных пространствах будущие реки и озёра с лягушками и кувшинками. Кроме того, зимой у нас вообще ездить проблематично, «такова уж наша Родина, сынок».

Вот и в тот раз мы натуру зимой выбирали, чтоб по весне, по теплу начинать строительство декораций. Так что, много чего мы увидели совсем не так...

Приехали мы, значит, в Минск, покрутились, пока светло, вокруг него, облазили и там все привилегированные (слово-то какое вспомнилось – язык сломаешь) дачные посёлки, и ничего, естественно, интересного не нашли. Что делать? В Питер ехать?

Выбор натуры. (Вариант № 8)

И там будет то же самое. От отчаяния заехали даже на натурную площадку «Беларусь-фильма» – вдруг к чему-то «привязаться» сможем. Но там же, в основном, землянки среди сосен понастроены для картин с вечной партизанской темой.

Погоды под Минском стояли тогда прелюбопытные, и настроение было, прямо скажем, питейное. День клонился к вечеру, а идей никаких не было.

Приехали в гостиницу и пошли обедать и ужинать одновременно. Сидим, рассуждаем, как жить дальше. Тут-то я и делюсь своими сомнениями с режиссёром Вадимом Абдрашитовым. Рано, говорю, из Киева сорвались. Было там одно место, и не даёт оно мне покоя.

– Коля, – спрашивает Вадим Юсупович нашего администратора, вернувшегося с нашими паспортами, и гордого, что ему удалось нас поселить в этой новой гостинице. – Коля, я тебя не очень обескуражу, если скажу, что ночевать в Минске мы не будем, а вернёмся в Киев?

– А я так почему-то и предполагал, – отвечает опытный, но приунывший Коля, которому «в кайф» пришлось гостиница и не «в кайф» было ехать на троллейбусе на вокзал (такси-то мы уже отпустили) и томиться в очереди с сомнительной перспективой приобретения билетов.

Тем не менее, в тоскливых утренних сумерках мы уже были в Киеве, на точке, которая не давала мне покоя. Продираясь сквозь чащобу самосевных кустов, проваливаясь в снегу «вам по пояс», мы смогли увидеть, понять и, наконец-то, определиться с местом строительства декорации на берегу замечательного озера, которое мы под снегом позавчера не увидели. Это место оказалось идеальным по всем параметрам, включая и то, что находилось оно в городе, в Подольском районе, следовательно, недалеко от места будущего проживания группы, что весьма немаловажно с производственной точки зрения. А ведь я это место фотографировал, но непроявленные плёнки валялись в чемодане... И только благодаря некой фотографической памяти и доверию к моим бредням Вадима Абдрашитова, мы вернулись, и всё состоялось.

Буду рад, если эти воспоминания подтолкнут вас к каким-то размышлениям.

О выборе природы можно рассказывать бесконечно много, и я не удержусь от соблазна поделиться еще некоторыми воспоминаниями. Правда, эти мои байки и рассказы других художников так и останутся забавными или занудными историями, пока сам не помесишь непролазную грязь наших дорог, не отравишься в очередном кафе или не застрянешь зимней ночью в глухом лесу на сломавшемся и полуперевернувшемся «Кировце»... К сожалению, чужой (да и свой тоже) «сын ошибок трудных» не всегда пригождается в дальнейшем. Тем не менее, некоторые особенности этой – одной из главных составляющих – части нашей профессии лучше знать с младости.

1. Уже на стадии прочтения сценария необходимо определить для себя границы географической зоны и варианты её замены без особого ущерба для сюжета и бюджета. Так, например, часто, «по бедности», тайгу снимают в подмосковных лесах, а «заграницу» в советское время сплошь снимали в странах советской же Прибалтики. Ничего, «пипл хавал». Теперь же «пипл» весьма образован и «насмотрен», так что туфту враз видит. Следовательно, ваше **знание материала должно быть отменным.**

2. Подыскивая места для съёмок, надо помнить, что **творческие и производственные задачи неразделимы.** В первую очередь – это, по-возможности, комфортное расселение и базирование съёмочной группы, питание, близость железной дороги, компактное расположение объектов недалеко (не более 30–40 км по проезжим в любое время года дорогам) от места проживания. Параллельно с выбором природы желательно прозондировать возможность найма рабочих для строительства декораций и привлечения народа в массовку. Узнать о строительных рынках и магазинах, о технике и транспорте.

Список может быть продолжен в самых разных аспектах, например, желательно узнать, когда полностью сходит или ложится снег, какая здесь почва, насколько поднимается вода в реке в половодье, какова продолжительность дня в таком-то месяце, где именно, в определённом вами месте для съёмок и строительства декораций, восходит и заходит солнце. Последнее знать бывает особенно необходимо.

И чем больше вы будете иметь всевозможных сведений, тем уверенней будете себя чувствовать. Продюсеры справедливо обвинят вас в непрофессионализме, если вы найдете чудесные места, но вдали от цивилизации и дорог. Учитесь **выжимать** информацию из местных жителей, но не очень им доверяйте.

Например, выбирая природу для «Русского бунта», мы, по рекомендации курирующей нас тётеньки из оренбургского отдела культуры, обратились в Общество охотников и рыболовов, где нас приняли со всякими объятиями. Было это в городе Ново-Троицке, что в 340 км от

Оренбурга. Не знаю, за какие грехи живут там люди, ибо город, стоящий в степи и покрытый какой-то зелёной медно-никелевой пылью, произвел удручающее впечатление. Но жизнерадостные охотники и рыболовы, после моего рассказа и показа фотографий, в один голос заверили нас, что есть, есть не очень далеко такое место: река Яик (Урал) широкая, пейзажи дикие, степи неоглядные и холмистые и вообще – красота, мы, мол, там рыбу и раков ловим, и на шашлыки с семьями туда ездим, а дорога по степи, она, конечно, условная, но проехать можно, потому что почва каменистая и оттого степь непаханая... Словом, соблазнили. Оставили мы свои иностранные машины с низким клиренсом и забились в местный УАЗ: Народный Артист СССР режиссёр-постановщик Александр Анатольевич Прошкин, оператор-постановщик Сергей Петрович Юриздицкий, ваш покорный слуга, тётенька «от культуры» и два охотника-рыболова. Лето, слава Богу, жаркое, степи, в самом деле, дикие и бескрайние, да и дороге конца видно не было – 60 вёрст оказалось! На шашлыки они с семьями ездят! Не от хорошей, видать, жизни. Ну, делать нечего, трясемься в жёстком УАЗе. «Барышня» наша бледная сидит, в сиденье вцепилась. Ей-то за что такое наказание? Сидела бы в своём Оренбурге, в кабинете с кондиционером... Охотники-рыболовы байки травят, взбадривают нас.

Всё-таки приехали. Чуть не написал – «спешились». Натрясло крепко. Вижу перед собой поперёк седой степи полоску кустов и лес железобетонных столбов во все стороны.

– Где же река? – спрашиваю.

– А вот, за кустами, – отвечают.

– Река-то где?

– Да вон же, за кустами!

– Её ж не видно!

– Но река-то есть. Раков там ловим, а вот кострище, мы здесь шашлыки жарим.

– Ладно, а это-то что? – на столбы указываю.

– От, чёрт, а их-то мы и не видели. Как-то ни к чему они нам. А раков под корнями голыми руками ловим...

Так и не увидели мы широкой реки, в которой бедолага Чапай утонул. И как его угораздило? Речка-то вовсе даже не широкая.

А в кино Чапая «утопили» совсем в другой реке. Для придания героизма.

* * *

Друзья, в ваших дипломах, когда вы отмучаетесь на нашем художественном факультете, будет (по традиции) написано, что вы окончили ВГИК по специальности **живопись**. Вы, конечно же, можете стать великолепными живописцами или графиками. Примеров тому множество. Я же терзаю себя и вас в стремлении подготовить вас к тяжёлой и неблагодарной работе **в кино**. И тут вам просто необходимо иметь запас всевозможных знаний во сто крат больший, нежели любому живописцу. Одно из этих знаний – история страны родной. В это понятие входит очень и очень многое.

* * *

1985-й год. Четверть века назад. Для вас это так же неосвязаемо, как какая-нибудь Великая Октябрьская социалистическая революция или Первая Пуническая война. А меж тем, это было **недавно!** Только-только на мартовском пленуме ЦК КПСС избран новый генеральный секретарь – молодой и энергичный М.С.Горбачёв. Сильно подули новые ветры. Впереди был ещё год до Чернобыльской трагедии, коренным образом изменившей самосознание всего мира. Ещё были в магазинах продукты, а власть казалась, как всегда, незыблемой.

Мы запустились с картиной «Плюмбум». И очень многое – если не всё – зависело от **среды**, в которой следовало разыграть эту историю. После наших долгих рассуждений стало ясно, что **среда**, взрастившая подобного героя – не Москва-столица и не древний провинциальный город, не барачный рабочий посёлок и не безликие новостройки. Родина нашего героя – СТРАНА. Наша страна с её имперскими замашками и «имперской» же архитектурой. Страна и власть, сумевшие изменить генетический код нескольких поколений. Власть, в грош не ценящая жизнь человека ради светлого будущего всего человечества. **Система**, породившая тысячи «Павликов Морозовых» и пионеров-героев, без раздумий отдающих свои и чужие жизни за идею. Добро и зло так тесно срослись, что стали одним целым. (Вы, скорее всего, даже не знаете, кто такой Павлик Морозов. А ведь был проект памятника ему, который решено было поставить на Красной площади! Что-то помешало, поставили на Красной Пресне. В 91-м снесли).

Понимаете, если герой, придумавший себе «свинцовую» кличку Плюмбум, живёт в Москве, мы как бы сужаем и упрощаем проблему: да, столица – она такая, каких там только выродков не бывает. Поместив героя в любой конкретный населённый пункт, мы в нашей картине расскажем некий частный случай, это будет рассказ о конкретном молодом человеке. А этого-то нам никак не хотелось. Поэтому должен был быть Имперский Город в Имперской Стране. Нам представлялось, что совсем не важно, **как** эта Страна называется. Александр Миндадзе не затрагивал никаких политических вопросов, и мы не собирались делать ни просоветский, ни антисоветский фильм. Автора сценария и режиссёра в этой теме волновали совсем другие, может быть, более сложные и интересные вопросы. В картине вы не увидите и не услышите ни одного напоминания о так называемой советской власти или о политической обстановке в стране.

И столкнулись мы с очень трудной проблемой. Такого города, который бы **безлико** являл собой **лик ДЕРЖАВЫ**, просто не существовало. Основная масса **державной** архитектуры сосредоточена в Москве и очень узнаваема. Порывшись в библиотеках, я убедился, что никакие города на наши задачи «не тянут». До войны страна строила заводы и «днепрогэсы», после войны восстанавливала разрушенное. При Хрущёве все города обзавелись своими «Черёмушками», которые нам никак не годились.

Кстати, знаете, почему «Новые Черёмушки»? Просто повезло. Первая подмосковная деревня, изничтоженная ради строительства нового жилья(!), носила красивое название – Черёмушки. Это вам не Выхино какое-нибудь. Или того хуже – Паскудино. Представляете, во всех городах необъятного Советского Союза растут, как грибы, свои «Новые Паскудины»!

* * *

Извините, отвлекусь, раз уж вспомнилось... О «чудесах» нашей топонимики. Когда-то – до 1991-го года – был такой город Загорск, единственной достопримечательностью которого являлась известная на весь мир Троице-Сергиева Лавра. Ну, Загорск и Загорск. За горами, значит. В 1982-м году меня попросили сделать для почтового конверта картинку, посвящённую 200-летию Загорска. Изучая материал, я с удивлением обнаружил, что 200 лет исполняется вовсе не Загорску, а Сергиеву Посаду, названному так по указу Екатерины II в 1782-м году! Стал «копать» дальше. Оказалось, что в Загорск он был переименован в 1930-м году в честь революционного деятеля, секретаря Московского комитета РКП(б) Вольфа Михелевича Лубоцкого, придумавшего себе, как и многие революционные деятели, псевдоним – Владимир Михайлович Загорский. Это же совсем меняет дело! Ведь мне в одной картинке надо как-то отобразить всё! И одной Троице-Сергиевой Лаврой во времена развитого социализма никак не отделаешься.

Ещё жив был Брежнев, власть крепка, и танки наши быстры... Ничто не предвещало, что в ноябре (сразу же после его смерти) город с невзрачным названием Набережные Челны переименуют в гордое – Брежнев. Не знаю, каким боком Брежнев к этому городу касательство имел, может, просто по созвучию кому-то там, в политбюро, понравилось. А что, похоже – Набережн... – Брежнев. Пусть будет! Ненадолго получилось...

Когда-то большевики косяком переименовывали города в фамилии и «кликухи» своих партийных соратников: Петроград – Ленинград, Екатеринбург – Свердловск, Вятка – Киров, Самара – Куйбышев, Тверь – Калинин, Царицын – Сталинград, Пермь – Молотов, Мариуполь – Жданов... В когорту партийных вождей каким-то образом «затесался» великий пролетарский писатель, «давший» свой «несладкий» псевдоним Нижнему Новгороду. Но вышеназванные товарищи были хоть как-то связаны с этими городами. На моей памяти, кроме Набережных Челнов, переименовали ещё несколько городов, «чтобы увековечить память о выдающихся деятелях». Рыбинск в **очередной** раз переименовали, нарекли фамилией **очередного** Еенсека – Андропов. Тоже ненадолго «увековечили». Следующему покойному – маршалу Устинову – «достался» город Ижевск. (Интересно, знаменитый мотоцикл «Иж» не успели тогда переименовать в «Ус»?). Шарыпово переименовали в Черненково, тоже, видимо, по созвучию. Было, говорят, предложение переименовать город с татарским названием Саратов в Суслов, дабы увековечить бессмертное имя бессрочного идеологического «вождя». Видно, «не дотянул» он до Саратова.

За что же товарищ Лубоцкий сподобился быть «увековеченным» частью своей партийной клички, какими корнями врос он в Сергиево-Посадскую землю? Ни-ка-ки-ми. Он, будучи в вечной ссылке, бежал и, находясь в вечных бегах по «заграницам», всего лишь год с небольшим был секретарём МК РКП(б), пока какие-то нехорошие левые эсеры не бросили в его кабинет бомбу в далёком 1919-м. Ну, похоронили героя на Красной площади, время такое было. Тогда бы, с горя по безвременно погибшему, и переименовать бы им какой-нибудь неблагозвучный Мухосранск в Лубоцк. Или – в Лубок. Не случилось. Кто же спохватился через 11 лет после гибели пламенного революционера переименовать тихий Сергиев Посад? Сталин ведь к тому времени, мягко говоря, не жаловал бывших пламенных революционеров и прочих старых большевиков.

(Заинтригованный своими же воспоминаниями, решил поискать конверт – сохранился ли? Перерыл всё. Не поверите. Нашёл! А в нём 10 рублей – червонец! Ценная, можно сказать, бумажка была. Была. Зачем-то я «заначил» её тогда. Теперь она бесценная. В смысле – не стоит ничего. Так просто и быстро обесцениваются ценности).

Памятник В.М.Загорскому на картинке, посвящённой 200-летию города, названного частью его клички, мне пришлось, конечно, нарисовать, причём, на переднем плане. Для этого я съездил в Загорск, нашёл через местных жителей этот бездарный памятник, неприметно стоявший в каком-то дворе, и сфотографировал его. Долго я искал что-нибудь ещё, чем, кроме Лавры, могут гордиться **загорчане**. Не нашёл. Но было неременное требование запечатлеть здание райкома и горкома партии. Оно же, кажется, и исполком. Слова понятны? Короче – надо нарисовать дом, являющийся средоточием Власти. Я возмущался, доказывал, что этот отвратительный кишкообразный бетонный сарай никак не komponуется, но начальство, выполняя требования вышестоящего начальства, было неумолимо. Что я мог поделаться? Да и не было больше в городе ничего характерного или хотя бы интересного. Противовесом Лавре служил Храм искусств, то есть типовой Дом культуры с колоннами. Он хоть на что-то был похож.

Отсканировано с конверта

Когда я принёс готовую картинку (размер 7,3 × 10,5 см), меня похвалили, но сказали, что **Лавры** всё-таки **много**. И очень уж она светлая и праздничная. Надо её подпачкать, постарить, говоря по-«киношному». Тогда, мол, твоя половинка «властного» сарая выигрышно оттенится. И ещё надо, мол, убрать кресты с куполов. Ну, хорошо-хорошо, не убрать, не совсем убрать, а так нарисовать, как будто мы на них смотрим сбоку, так сказать, в профиль. Я отказался что-либо переделывать, сказал: «А, делайте, что хотите, только не ставьте мою фамилию». «Фамилию не ставить мы не можем», – был ответ. С тем и расстались.

Конверт вышел. Картинка даже в искаленном виде выглядела симпатично и неожиданно – церквей на официальной полиграфической продукции не печатали. (Конверт со знаком почтовой оплаты – продукция, приравненная к денежным знакам).

Из Патриархии пришло благодарственное письмо.

– Видишь, как всё хорошо. А ты скандалил. Да, без крестов. Но напечатали же! Три миллиона экземпляров, между прочим, – тепло сказал мне главный художественный редактор ДИЭЗПО, прекрасный человек, умница и стратег Игорь Михайлович Милюков – отец кинорежиссёра Андрея Малюкова, кстати.

И городу всё-таки явно повезло. Что было бы, если б пламенный революционер, познакомившийся с Лениным в Женеве, придумал себе менее благозвучное «погоняло»?

Такое вот получилось отступление от темы. Впрочем, отступление ли? Так, врезка.

* * *

Вернусь к проблемам «Плюмбума».

Наши поиски подвели нас к пониманию того, что во всей нашей Необъятной есть только город Минск, который может нам как-то подойти. После войны в нем целыми остались три

дома, и строили его заново как истинную Столицу Советской Белоруссии, и там есть одна улица, нет, конечно, проспект, и, конечно, Ленинский...

Снова отвлекусь. Ленинским он стал только в 1961-м году. До этого он был... ну, угадаете? Правильно – с 1952-го он был Сталинским. Как эта главная улица Минска называлась в первые послевоенные годы, сказать затрудняюсь (скорее всего – Советская), но в годы немецкой оккупации она называлась – Гауптштрассе, что, насколько я понимаю, так и переводится – Главная дорога. А перед войной она называлась Пушкинской, потому что в 1937-м году Советский Союз с невиданным размахом отмечал 100-летний юбилей... **гибели Пушкина!** Вся страна праздновала и ликовала. В 1991-м Союз распался, сябры почесали затылки и решили, что несправедливо целых 30 лет такой замечательной улице носить псевдоним В.И. Ульянова, у нас, бульбашей, свои знаменитости есть. И стала улица называться проспектом имени Франциска Скорины. 14 лет этот средневековый учёный, философ, медик, первопечатник и просветитель, основатель восточнославянского книгопечатания, переводчик Библии на белорусскую редакцию церковнославянского языка напоминал о себе не только с табличек на домах, но и в миллиардах всевозможных бумаг и документов, включая паспорта граждан. Надоел! И с 2005-го Главная «штрасса» Минска называется Проспектом Независимости. Похоже, у «незалежных» сябров-бульбашей других проблем нет, и они тратят море денег на очередное переименование единственной приличной улицы своей столицы.

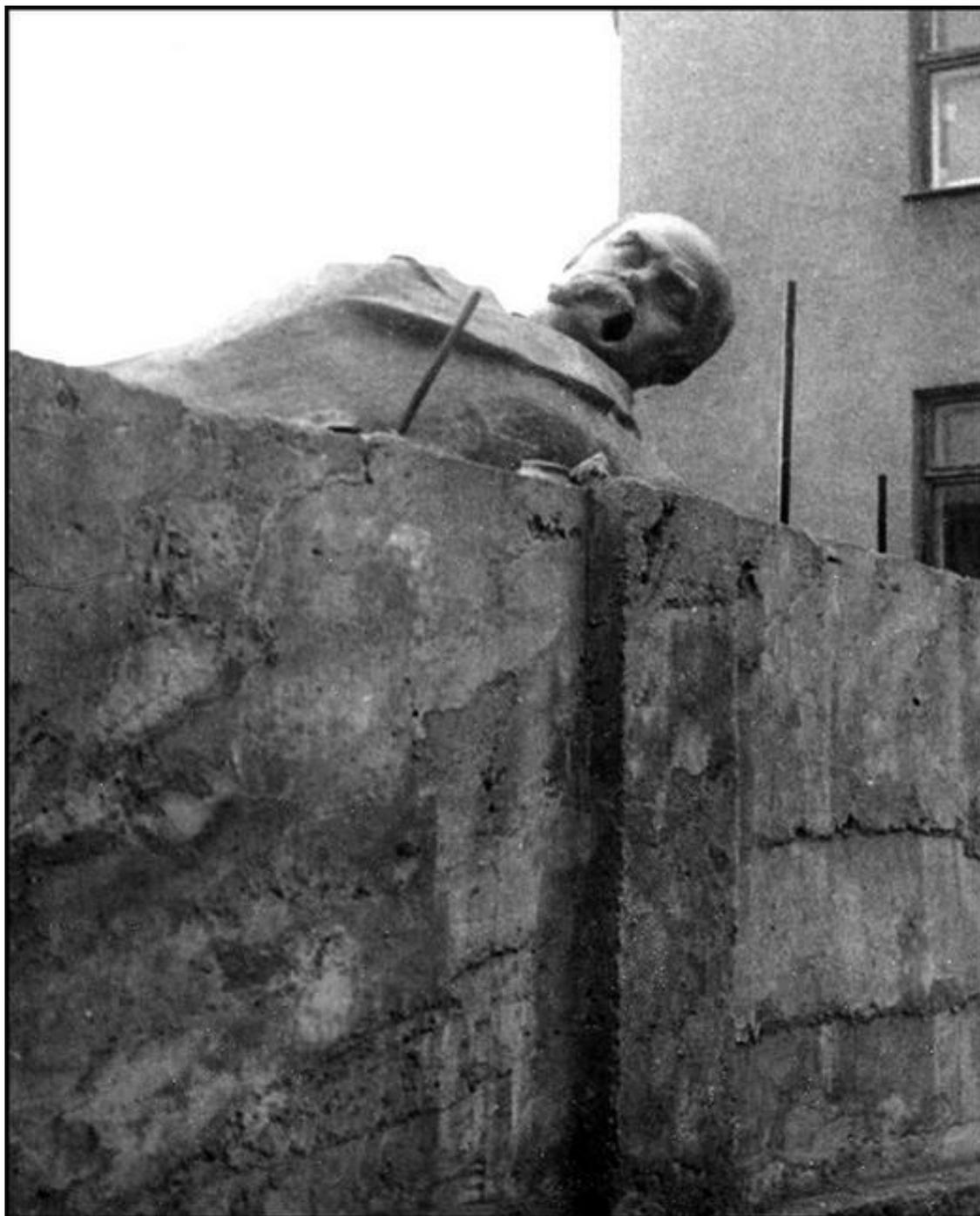
Памятник Ленину на проспекте Ленина

Мой же рассказ о годе 1985-м. Приехали, значит, в Минск и достаточно быстро поняли, что не ошиблись. Прочная «сталинская» архитектура на привокзальной площади убеждала нас в прочности **системы**, а политизированный и подчас чрезмерный декор зданий утверждал, что живём мы богато и идём правильным путём. Поначалу показалось, что мы попали в какое-то «законсервированное» время – так всё было спокойно и прочно. Здания, правда, почти за 30 лет, прошедших со времени их постройки, сильно обветшали, их давно не ремонтировали, но, во-первых, это не очень бросалось в глаза, а, во-вторых, именно это нам и было нужно. Чуть

ли не в первом же дворе мы воочию убедились, что обветшали не только здания. Обветшала система, и очень сильно. Такой картинке невозможно было представить себе **никогда!** Во все времена так называемой советской власти подобный акт вандализма и святотатства оценили бы высшей мерой наказания. Даже нам, случайно увидевшим подобную картинку, было бы несдобровать. Во дворе дома на Ленинском проспекте валялась (другого слова не найти) обезглавленная статуя Ленина! Ужаснувшись, мы поняли, что страна резко изменилась, и Вадим Юсупович молча встал в ногах поверженного и поруганного идола. Как всегда, для масштаба. Было непонятно, кто и зачем это сделал. Ни реставрировать, ни утилизировать статую явно не торопились. Но рука вождя, ранее к чему-то призывавшая, по замыслу скульптора, а ныне поднятая вверх, как бы моля о помощи, была аккуратно забинтована для лучшей сохранности.

Юные мои друзья, вам, аполитичному поколению, выросшему во времена свержения всяческих кумиров, скорее всего, не понять наших чувств и той оторопи, которую мы ощутили в тот момент. Я, конечно, и раньше видел «вождя» в разрозненном и даже «обнажённом» состоянии, правда, это было во дворах скульптурных мастерских, где ребята валяли «кормильца» на заказ для всяких колхозов. Но даже там обломки были стыдливо и трусливо накрыты мешковиной. Этот же несчастный вариант кумира валялся во дворе жилого дома, находящегося на проспекте его имени! «Находка» навела на раздумья, но для наших задач не годилась – слишком уж прямолинейным и чересчур откровенным был бы ход. Не ложилось это в стилистику фильма и не соответствовало нашим жизненным позициям. Зачем пинать? Потому что – можно? Уже через два года выйдет фильм Сергея Соловьёва «Асса», где расхристанная молодёжь будет плясать на портрете Брежнева. . . Ладно, там стилистика другая.

За 10 лет до этого события, в 1975-м, выбирая натуру для «Подранков», я увидел в Одессе великого кобзаря Тараса Шевченко почти в подобном положении – и содрогнулся. Тогда мне это показалось чудовищным кощунством. Но кобзарь с проломленной челюстью сердито взирал на свидетелей своего унижения **из-за забора**, кроме того, он – только поэт, но не **ВОЖДЬ**. Да, чуть позже мы почти привыкнем к сносу памятников под радостное улюлюканье толпы – разрушать мы горазды. Даже в партийном гимне «Интернационал», который ритуально пели стоя все делегаты всех съездов, есть слова: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья. А затем. . .». Напрашивается вопрос: А зачем? Зачем – до основанья?! И что такое – «мир насилья»? Любое **государство** – отточенный веками **инструмент насилья**. Я, по счастливой случайности никогда не бывший комсомольцем, но имеющий Почётную Грамоту ЦК ВЛКСМ, никак не мог понять (уверен, что сами поющие хором и не особо задумывающиеся над словами делегаты – тоже), в чём **они** клянутся и к чему так вдохновенно призывают. Не понимаю и теперь. А может быть, Аркадий Коц просто неправильно перевёл с французского?

Памятник Тарасу Шевченко

О, Минск! Город отголосков прошлого. Буквально в соседнем дворе мы обнаружили ещё две статуи. Они стояли в высоченной арке за навсегда закрытыми ажурными воротами и выглядели почти пристойно. Но парочка эта была довольно непривычной и оттого странной. Нас приучили к смычке города с деревней и к бесполой дружбе рабочего с колхозницей.

Но эти четырёхметровые колоссы из алюминиевой **выколотки** изображали колхозницу с хилым подобием снопа, и, судя по всему, лёгчика-испытателя с мужественным лицом под шлемом. Вот эти «ребята» были уже из нашей темы. Они были **неполитизированными обломками** империи. Это были **безымянные** герои уходящей эпохи. Статуи как статуи. Элемент городского декора. Не более того. Нас не в чем упрекнуть. Нам нечего инкриминировать. Мы ни над кем не измываемся. Эти статуи непременно надо использовать в картине. Ассоциативно

они точно «работают» на тему. Надо лишь «подсуетиться», чтобы их никуда не увезли до съёмок. Показываю вам кадр из фильма. Общий план, панорама. Мальчик куда-то бежал по двору и слегка приостановился, увидев. Пять секунд экранного времени. Всё. Конец кадра. О чём он? Не знаю. Абдрашитова не спрашивал – глупо спрашивать. Всё и так ясно. Тупик. Вечно закрытые ворота и парадные подъезды в стране, «где так вольно дышит человек». Символы успехов и достижений томятся пока на задворках. Идёт спешная переоценка ценностей. Всё, чем якобы гордился советский народ, скоро пойдёт на свалку И добро, если всё это просто будет забыто. Нет, многое, если не всё, будет высмеяно и охаяно. Скорее, скорее на свалку истории, развивающейся, как принято считать, по спирали и не имеющей сослагательного наклонения. А трагедии, как правило, превращаются в фарс.

Кадр из фильма «Плюмбум, или Опасная игра»

И летом мы, совсем уж впопыхах, снова пробежали мимо этих обломков империи. Да, теперь они со стыдливых задворков переместились на откровенную, открытую для всех глаз свалку. Пройдёт совсем немного времени, и (кто бы мог тогда такое представить даже в пьяном горячечном бреду?!), начнут сбрасывать с пьедесталов кумиров нескольких поколений! Лишь ничтожно малой части из них несказанно повезло – они украшают собой Парк искусств, что при ЦДХ. Но скоро, говорят, снесут и ЦДХ, и Парк искусств заодно. Жизнь продолжается, господа-товарищи!

Такие вот коррективы внесла в сценарий, вернее, в ткань фильма минская натура. Это невозможно предусмотреть и даже придумать. Когда-то в кино бытовало выражение: «Сценарий – не догма, а руководство к действию». Творцы, воплощающие на экране идеи, заложенные в сценарии, обязательно должны, на мой взгляд, расширить и рамки сценария, и сами идеи. В противном случае, они будут бездарными иллюстраторами сценария, а не авторами, создающими самостоятельное кинопроизведение на основе сценария. Несомненно, что кино делает режиссёр (то есть он больше всех отвечает за успех или провал данного коллективного творения), но чем больше лепта и заинтересованность **всех и каждого** создателя и участника кинопроцесса, тем лучше будет кино и тем больше, в результате, получит зритель.

Кадр из фильма «Плюмбум, или Опасная игра»

А Вадим Юсупович Абдрашитов, как обычно, просто стоит. Для масштаба.

* * *

Но эти статуи – игрушки по сравнению с другим «соцреализмом», который я увидел вблизи через год. Нет-нет, ничего особенного, небольшой монумент, который сразу и не заметишь – всего-то 16 метров высотой... Большая группа художников из разных городов и республик Советского Союза находилась в творческой поездке по Волго-Дону. Это тоже был своеобразный «выбор природы», во время которого мы должны были, оправдав затраты на нас, привезти кучу картинок и устроить отчётную выставку в Волгограде. Как я уже повторял неоднократно, в СССР всё делалось по плану. Нас, как умели, принимали и расселяли, иногда давали транспорт и устраивали экскурсии.

В.Ю. Абдрашитов на фоне декоративных скульптур

Недалеко от городка Калач-на-Дону мы увидели с борта теплоходика монумент на берегу и решили... причалить. Издалека он выглядел вполне компактно. Сойдя на берег, я по «киношной» привычке не поленился и пошёл в гору посмотреть его поближе. Естественно, чем ближе я к нему подходил, тем больше он выросал. С точки зрения моих товарищей, оставшихся скучать на причале, я всё уменьшался и уменьшался, давая им возможность оценить размер монумента. Когда я забрался на постамент, мне стало смешно, и я призывно замахал руками. Мой друг, бывший однокурсник, известный киевский художник Роман Адамович, тоже путешественник в нашей бригаде, долго смеялся, глядя на меня, а потом, несмотря на свою комплекцию, легко залез на постамент, и мы начали фотографироваться. Что же так развеселило нас?

Монумент «Соединение фронтов»

Мне доводилось видеть скульптуры большого размера. Когда, ещё учась во ВГИКе, я работал художником в Манеже(!), видел выставленную там голову «Родины-матери» в натуральную величину!

Волгоград. Фрагмент монумента «Родина-мать зовёт»

Её специально для очередной Всесоюзной выставки собрали из отдельных больших кусков. Голова эта занимала всё пространство от пола до потолка, «обняв» одну из колонн. Выставка давно закрылась, огромный, бесконечно длинный в полумраке зал стоял таинственно-пустой, и только голова эта долго пугала нас, вынужденных иногда по разным делам бегать «на рысях» из конца в конец Манежа. Я ловил себя на мальчишеском желании забраться к ней в рот, затаиться и, дождавшись очередного «рысящего» знакомого, напугать его, громко «гугукнув». Родина-мать в 30 раз больше натурального размера человека. Впервые я обратил внимание на то, что скульптура выполнена достаточно «широкими мазками», чего нельзя сказать о монументе, на пьедестал которого мы залезли. Нас почему-то рассмешил двухметровый валенок с грубой фактурой поверхности. Вся композиция, сооружённая в 1955-м году, полностью соответствовала тому стилю, который исповедовал Е.В. Вучетич: **«академический, в рамках социалистического реализма»**.

Страна Советов всегда делала всё самое большое, всегда стремилась всех «заткнуть за пояс». Наша волгоградская Мать была много больше американской Свободы французского происхождения. В 70-х годах она была самой большой статуей в мире! Представьте – только меч имел длину 33 метра! (Видимо, стремление всем «забить баки» – особенность национального характера издревле: если пушка, то – Царь, хоть и не стреляла, колокол – тоже Царь, хоть и не звонил). Меч – **тридцать три метра**, и вес его чуть ли не **10 тонн!**

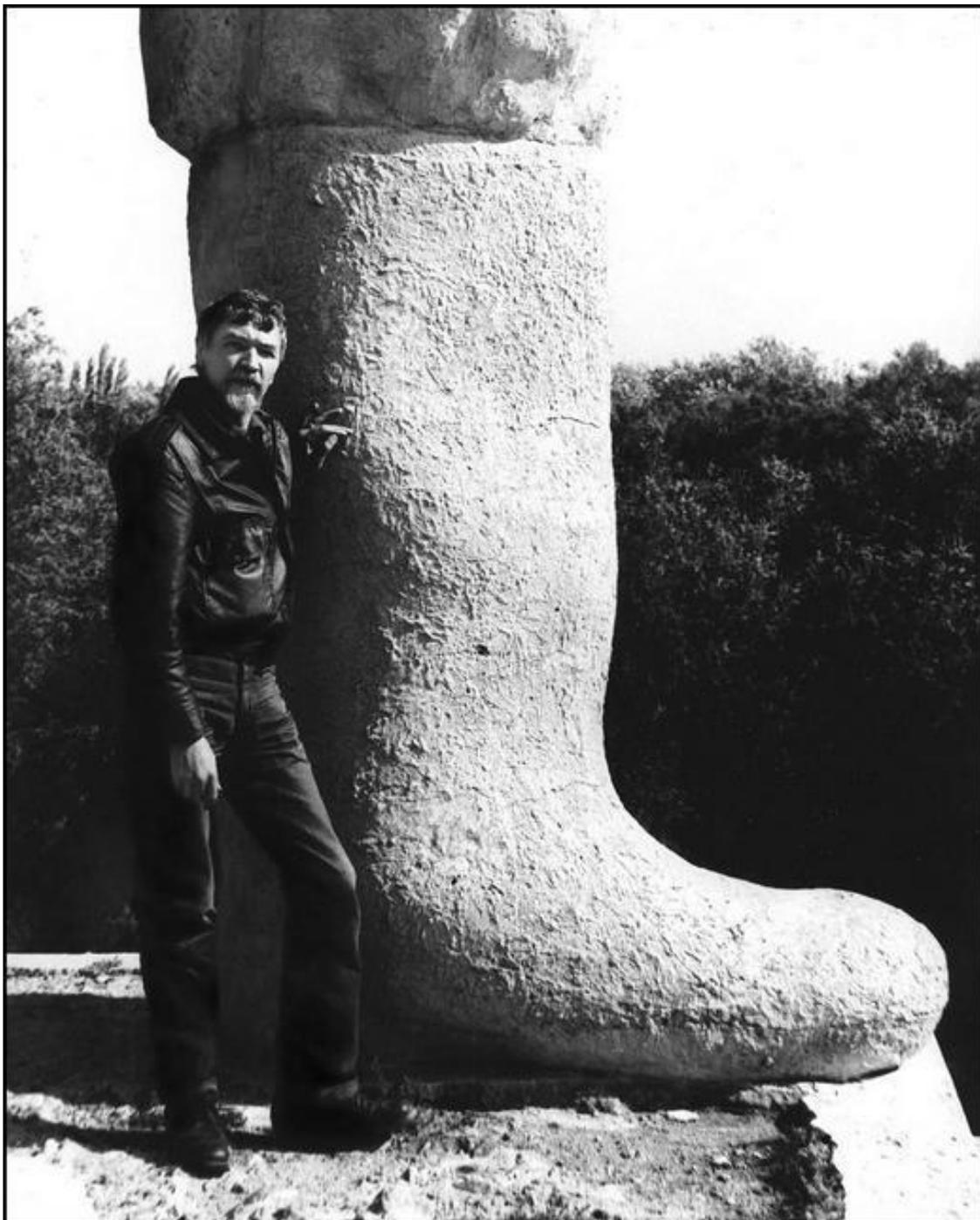
А тут – весь монумент высотой всего 16 метров. Для Вучетича этот монумент, видимо, был только «разминкой» перед «большим прыжком». «В рамках социалистического реализма» были сделаны фактуры овчинных полушубков и ватных стёганных штанов, а ботинки на одном из героев были аккуратно зашнурованы, и бетонные шнурки кокетливо завязаны «бантиком». Время, меж тем, неумолимо делало своё дело – постамент местами порос травой, а кобура пистолета грозила отвалиться.

Фото на память: «Я там был»

Может быть, именно тогда я задумался о степени условности в монументальном искусстве. Ведь в данной скульптурной композиции главный официальный скульптор Советского Союза **механически** и **фотографически** увеличил мужиков-натурщиков до какого-то размера. Где же предел подобного увеличения? На мой взгляд, «мужики в полущубках», вылеп-

ленные «академически, в рамках социалистического реализма», выглядят псевдонатурально и смешно. Правильные пропорции их фигур кажутся нелепыми, а шнурки на ботинках и дырки на ремнях вызвали тогда недоумение и печаль. Всё это почему-то напомнило мне висящие в деревенских домах портреты, старательно срисованные художниками-дилетантами с маленьких любительских фотографий.

Фотоэтиюд «Я и валенок»

Тщательно подобранные и одетые-обутые натурщики «пёрли» из монумента фальшивостью поз и мимики. (Через некоторое время я видел в разных странах живых людей, зарабатывающих на жизнь тем, что они имитируют собой скульптуры. И это даже умиляло. Здесь же мёртвый бетон имитирует живых натурщиков, застывших в театральных позах. И это непри-

ятно). В чём же дело? Где проходит грань между искусством и подделкой? Чем старательней вылеплены жилы на «мужественных» руках, чем правильнее висят гранаты и автоматы, тем больше меня это «напрягает». Это даже не натурализм. Если бы подобный памятник сваял в натуральную величину какой-нибудь сельский умелец, мне был бы понятен его наив. Но подобной бездушной и бездумной халтуры я не мог предположить даже в Вучетиче. И ведь утверждали проект разные комиссии и советы на самых разных уровнях, вбуханы огромные государственные деньги в эти «штаны и валенки»! Потом, конечно, было торжественное открытие монумента, и люди искренне возлагали цветы. Цветы возлагали, конечно же, не монументу, а своей памяти, как, например, совершенно истово молятся, глядя на икону, не имеющую никакой художественной ценности.

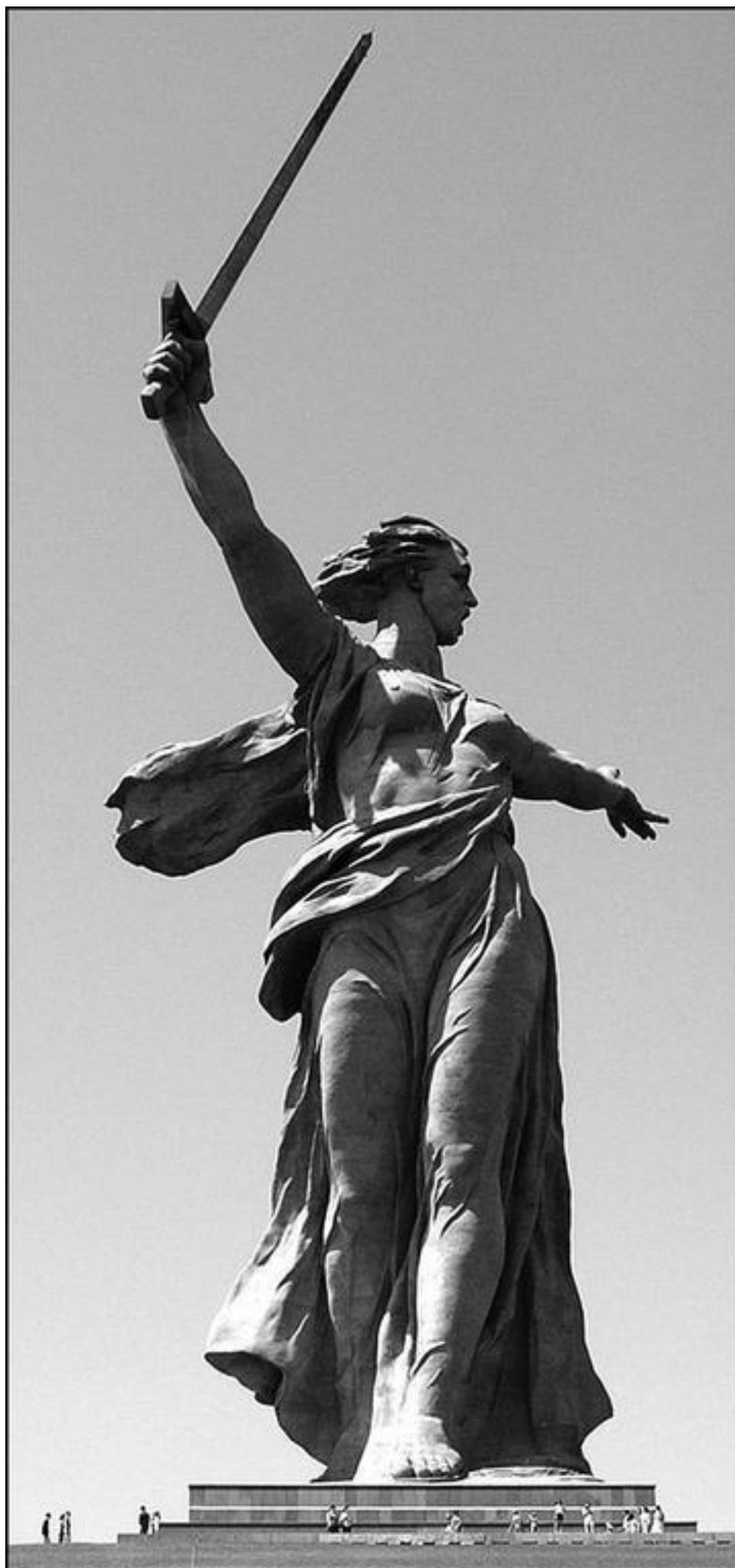
Да, ребята, что-то далеко от темы меня увело.

Вскоре, будучи в Волгограде, я увидел и Родину-мать, но, слава Богу, только издали. Большое видится на расстояньи, как сказал поэт.

Поскольку наша поездка курировалась Волго-Донским пароходством... Смотрите, как интересен наш язык – пароходов нет, а хорошее слово «пароходство» осталось. В самом деле, не в «теплоходство» же его переименовывать! Так вот, повезли нас по Волге на место, где кто-то придумал «возлагать» (не знаю соответствующего слова) на воду цветы и венки в память о погибших защитниках Сталинграда. Глядя на город и статую с борта теплохода, мне пришла кощунственная мысль, которой я испугался. Так уж мы были устроены и воспитаны, что высказывать свои сомнения в правильности решений Партии и Правительства – себе дороже. Мои же сомнения, вдобавок, касались священного места, места памяти народной о тысячах и тысячах погибших в этой чудовищной битве. Да, это место придумали и соорудили **здесь**, насыпали огромный курган, продумали ритуалы, воздвигли невероятного размера монумент, символизирующий **«Родину-Мать, которая звала сыновей начать победоносное изгнание врага»**. Позвольте, позвольте... Враг рвался за Волгу, но и по позе «матери», и по **географии** расположения монумента получалось, что «Родина» звала вперёд... врага. Язык мой – враг мой, – я не утерпел и шёпотом поделился этими крамольными соображениями с местным товарищем – начальником одного из отделов культуры. «Молчите-молчите...», – ещё более тихим шёпотом сказал он. – «Мы это видели, и даже говорили, но нас никто слушать не стал».

А мы-то, дураки, в своих фильмах стараемся следить за географией и др. «мелочами»!

Следующую «Родину-мать» решено было соорудить в Киеве, размерами, естественно, «переплюнув» волгоградскую. (Счастливейшее время, друзья! Как же доступна стала любая информация, благодаря Интернету. Хотите поучаствовать в **«патриотическом аттракционе»** – подняться на смотровую площадку на щите? Хотите узнать размер этого щита и «восторгнуться»? Пожалуйста).

Монумент «Родина-мать зовёт»

Но я хочу рассказать то, чего вы не найдёте в Интернете. Посмотрите внимательно на эту спокойную тётеньку в странном балахоне. Киевляне недовольно ворчали: «Поставили нам тут какую-то Аллу Пугачёву...». Не угодишь им, этим хохлам. Долго её сооружали – целых девять лет. Вучетич, придумав её, скончался, и неизвестно толком, как далеко впоследствии отошли от его замысла украинские скульпторы. Не смущает ли вас, дорогие господа-товарищи, странное оружие в руке этой тётеньки? Зловредные киевляне и над этой воинской деталью потешались: «Пугачиха на кухне, с ножиком и разделочной доской». Говорят, что «ножик» этот должен был быть гораздо длиннее, но не рассчитали ветровые и прочие нагрузки и обкорнали грозное оружие возмездия до размеров гладиаторского меча, удобного в пешем сражении. У волгоградской босоногой «матери», несмотря на непонятные одежды, меч русский, киевлянка же, одетая ещё более странно, вынуждена довольствоваться римским мечом. Ладно-ладно, сойдёмся на том, что он – скифский. Теперь всем нам легко зубоскалить, а у ребят там сердечные приступы, говорят, постоянно случались – норовила будто бы постоянно тётенька лечь. Вместе со всей 102-метровой конструкцией. Каждый год, говорят, под неё сотни тонн бетона и жидкого стекла закачивали. Удержали её от такого некрасивого поступка. Слава Богу! И стиль «академический, в рамках социалистического реализма» здесь, на мой взгляд, несколько пре-терпел изменения.

Киевская «Родина-мать»

Если эти разглагольствования показались не относящимися к теме **выбора природы в кино**, считайте, что в них я затронул тему, вынесенную в заглавие данного письма.

* * *

В других письмах я тоже, так или иначе, касаюсь темы выбора природы. Надеюсь, из моих довольно занудных рассказов вы сможете сделать вывод, что выбор природы – дело более чем серьёзное. Великий художник Иван Шишкин, по рассказам, ходил на свой выбор природы с блокнотом и топором – заранее вырубал всё лишнее. Вам же необходимо тоже иметь блокнот, но вместо топора желательно иметь **хороший** фотоаппарат и хорошую же память. Запаситесь или купите на месте карту местности. И не забудьте о погоде и географии мест, которые вы наметили внимательнейшим образом обсмотреть. Зимой, какая бы она ни была «сиротская», запаситесь самой тёплой одеждой, обувью и, желательно, термобельём. Не жалейте сил на таскание с собой разной обуви – возможно, вам придётся посещать всякие учреждения или рестораны. Всегда имейте, на всякий случай, всепогодные ветровку, дождевик – любую «брезентуху». Зонт, как правило, пригождается редко. Нужны удобные перчатки и тёплые варежки. Ни в коем случае не забывайте о головных уборах! (Солдата, не соблюдающего форму одежды, справедливо наказывают за стремление «откосить» от тяжестей службы). Не надо пижонить – ведь если вы заболите, радости не будет никому. Поэтому желательно захватить с собой привычные лекарства от простуды и «живота» – незнакомые вашему желудку вода и пища могут омрачить радость познания новых мест. Я, исходя из опыта, всегда беру с собой электрочайник, любимую мной «заварку», сахар, соль, соус, галеты-крекеры и необходимое (иногда в экспедицию коробками беру) количество сигарет и зажигалок – на месте, чаще всего, купить это некогда. Или не найдёте привычного сорта, что тоже раздражает. Возьмите также кружку-ложку, складной нож с набором «прибамбасов», салфетки. О средствах гигиены и прочих принадлежностях не говорю – это на ваше усмотрение. Иногда пригождаются репелленты или другие способы защиты от кровососущих. Если какая-то божья тварь всю ночь пищит над ухом – день испорчен. Вечная беда – забываю мочалку и «шлёпанцы». Но не забываю электрошнур-удлинитель с розетками, переходник и ноутбук.

Немного места в вашем чемодане займут купальные принадлежности – радушные туземцы могут предложить вам сауну с накрытым столом или другой какой случай представится.

А.А. Прошкин (слева) и автор этих строк

Однажды, выбирая натуру для фильма «Русский бунт», мы с режиссёром Александром Анатольевичем Прошкиным оказались на берегу солёного озера под городом Соль-Илецком в Оренбургской области, куда нам устроили приятную экскурсию местные культурные деятели. Озеро это уникально. Как видно из названия города, там испокон веку добывается соль. В части выработанных солевых шахт ныне оборудованы помещения, где страдающие лёгочными заболеваниями принимают процедуры, вдыхая этот сухой, солёный, якобы целебный воздух. В шахты мы не полезли, но не полежать на солёной воде, не обмазаться целебной грязью и не обгореть за полчаса на нещадном солнце – было бы нелепо. Я купил у лоточника, торгующего на берегу сувенирами, смешные тёмные очки, в стёклах которых переливались зелёным цветом перекрещенные (кажется, большие берцовые) кости, и подарил их Прошкину. По-моему, они добавили имиджа Народному артисту. Совсем рядом с солёным находится озеро с пресной водой, которая постепенно тоже становится солёной, потому что отдыхающие купаются в нём, смывая соль и грязь соседнего озера. Ещё из примет цивилизации на берегу были полупрозрачные раздевалки и туалеты, сложенные из блоков соли. Так что теперь, покупая пачку каменной соли, я иной раз встречаю на упаковке знакомое название и вспоминаю незабываемый день – 17 июля 1998 года, когда мы слегка отдохнули на безымянном солёном озере, в котором невозможно утонуть, потому что плотность воды его превосходит плотность воды знаменитого Мёртвого моря, и которое к нашему выбору натуры напрямую не имело никакого отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.